

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

Юрий Гаврюченков

ОПАСНЫЙ ЛАБОРАНТ

*В Диких Водах все держится
на жестокости и страхе,
а царит над ними жадность*

«КРЫЛОВ»

Фантастическая авантюра

Юрий Гаврюченков
Опасный лаборант

«Крылов»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

Гаврюченков Ю. Ф.

Опасный лаборант / Ю. Ф. Гаврюченков — «Крылов»,
2017 — (Фантастическая авантюра)

ISBN 978-5-4226-0305-3

Если экспедиция начинается плохо, то и дальше всё пойдет наперекосяк. Эта примета срабатывает безотказно – спросите у любого ученого. Небольшой отряд российских биологов отправляется в экспедицию в Южную Атлантику для сбора образцов инопланетной живности. Однако тёплые воды кишат не только чужими. Свои куда хуже. Чем дальше в море, тем больше жестокости. Морские цыгане, контрабандисты, добытчики запрещенных веществ, пираты и торговцы живым товаром бороздят океанские просторы. Часто они не оставляют выбора тем, кто хочет жить. Бандиты полагаются на оружие, учёные полагаются на интеллект.

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-4226-0305-3

© Гаврюченков Ю. Ф., 2017

© Крылов, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Гаврюченков

Опасный лаборант

© Ю. Гаврюченков, 2017

© ИК «Крылов», 2017

* * *

Глава 1

В портовых кварталах Лиссабона лаборант российской экспедиции ГосНИИ биологии моря Денис Муромцев в первый раз зарезал человека. Он был беззлобным парнем и не хотел ни с кем драться, но так вышло.

Сутенёр в кабацких дверях проводил его долгим взглядом и сплюнул себе под ноги тягучей табачной слюной. Рослый светловолосый мужчина с бледной кожей северянина выделялся на фоне здешних оборванцев и выглядел лёгкой добычей. В дешёвой рубашке-поло и мешковатых чёрных джинсах он смахивал на туриста-рюкзачника, что летают бюджетными рейсами «Райан Эйр», «Изя Джет» и прочих «Чипскейт Эйрлайнз», где экономят на удобствах, обслуживании и безопасности ради доступности билетов для неимущих любителей странствовать. Рюкзачники селятся в хостеле по дюжине рыл в комнате и воруют друг у друга вещи. Они мелочны и склочны, как калабрийские шлюхи. Полупать зенками на дворец Ажуда, послоняться по площади Фигейра да сфотографироваться возле статуи Жуана Первого, вот и вся их услада. Самые продвинутые съезжают в Марфу или забредут в Байшу, где их наконец-то обчищают. Беспольные ротозеи, с которых нечего взять, кроме фотокамеры, да, может быть, часов.

Для сутенёра рюкзачники не имели национальности. Они делились на опытных, знающих язык, умеющих ладить, экономных и искушённых в отдыхе, с которыми можно иметь дело — и всех остальных, лезущих куда не нужно и оттого мигом расстающихся с деньгами и вещами, да только ценностей при них обычно нет.

На всякий случай сутенёр окликнул его: «Ола, сеньор! Девочки, травка, дёшево!», но турист не понял. Голубые пуговицы на простоватом лице ошалело скользнули по продавцу удовольствий и вернулись бездумно тарашиться по сторонам. Парень шёл быстро, упруго, и сутенёр подумал, что драться с ним из-за бумажника он бы не взялся. Он утешил себя, что там всё равно не густо, и презрительно сплюнул, желая избавиться от досады.

Сутенёр был прав, денег у Муромцева практически не было. Русским учёным командировочных не дали. Средства должны были начислить в рублях по возвращении домой. Бухгалтерия опять затянула сроки, а с ними и пояса отправленных за рубеж сотрудников.

Муромцев бродил по Лиссабону без всякого плана. Он не ставил целью осмотреть все достопримечательности, но дома что-то надо было рассказать о морской столице Европы. Денис отправился куда глаза глядят. У него был целый день. К ночи следовало вернуться в отель, а утром погрузиться на поезд в Синиш, где агент подыскал для экспедиции судно по доступной цене.

Претерпевший сильные землетрясения и чудовищные цунами середины XXI века Лиссабон утратил былое величие. Он отстраивался снова и снова, после каждого катаклизма теряя архитектурные памятники, но больше страдали современные здания возле моря. «Пережили 1755 год, переживём и Нашествие», — как бы говорил город, но постепенно сдавался, отступая всё дальше от опасных вод. Тогда, в XVIII веке, Португалия так и не оправилась от гибели столицы, уступив господство на морях доселе скромной Англии. Теперь же Лиссабон испытывал губительные последствия тектонической деятельности пришельцев. Побережье опустошали цунами, но население не уменьшалось. Из тонущих районов Бразилии прибывали всё новые партии беженцев. Они приносили свои обычаи, свой диалект и свою трудовую силу. Завалы разрушенных кварталов разбирали и застраивали. Работа порта возобновлялась. Жизнь текла своим чередом, с привычным ожесточением перенося удары стихий земли и воды.

Муромцев недолго слонялся по центру. Безликие многоэтажки из стекла и бетона, спешно возведённые для заселения обездоленных горожан до следующего землетрясения,

сосуществовали с немногими офисными зданиями в добром португальском стиле неомануэлино и смотрелись уныло. От старинного центра не осталось почти ничего.

Ноги сами вынесли Дениса с широких чистых улиц в припортовые трущобы. Здесь не строили домов выше третьего этажа. Никто не заботился о сохранении архитектурного ансамбля. Должно быть, места под застройку в зоне удара цунами стоили так дёшево, что дома возводили частники средней руки. Тут поработала фантазия народа. Кривоватые стены и причудливо украшенные фасады обретали такой живописный вид, что молодому лаборанту, выросшему в Санкт-Петербурге, делалось весело до жути. Особенно хороши были обитатели. Муромцев немного за свою жизнь встречал иностранцев и мог по неосведомлённости предполагать за ними разные диковинные свойства, но тут местные были как на подбор.

«Гопота хуже колпинской, – озирался он. – Чужому нарваться на неприятности как два пальца об асфальт».

Бурые приземистые португалыцы, иссиня-чёрные негры, сухощавые, с острыми глазками марокканцы, уродливые потомки бразильских переселенцев, самбо, мулаты и кварталеры всех цветов кожи, от шоколадной до оливковой, населяли этот район. Они галдели, толкались, торговали вразнос всякой всячиной, спали прямо в переулках, сушили на балконах бельё, выворачивали карманы кому-то в тупичке и всё время ели. На ходу, стоя, сидя. Португалыцы любили пожрать. Эту характерную черту Муромцев заметил сразу, но в трущобах она особенно бросалась в глаза. Португалыцы ему нравились.

С Денисом пытались заговорить, но он не понимал. Школьный английский, улучшенный на курсах, да скудная научная латынь, вот и весь его запас иностранных слов, которым здесь было трудно сыскать применение. Его окликали, пихали в бок, даже схватили за руку. И всё время пытались продать морские сувениры. Улицы были расположены близко к туристическим тропам, где сбыт внеземных беспозвоночных разросся до культа. Они присутствовали везде – в лавках, на витринах, даже изображения на стенах свидетельствовали о пристрастии местных жителей к торговле дарами моря. Игривые печёночники и порочные актинии украшали вывеску публичного дома. Инопланетную жизнь внедрили в индустрию развлечений, но эмоциональная окраска была иная, чем в отрезанной от тёплых морей России. Там это было диковинкой, тут обыденностью, вода плескалась прямо за домами. Здесь легко можно было поддержать в руках инопланетянина, пусть и родившегося на Земле. Если бороться с внеземной инвазией оказалось невозможно, люди поставили её себе на службу. Проще всего было продать. Это являлось своего рода местным спортом – втюхать туристу обломок радужного коралла, залитого в акриловую смолу рифового клопа или муляж песчаного чёрта из раскрашенного папье-маше. Бог, которому здесь молились, похоже, назывался Дагоном. Муромцев читал о нём в книжках. После Нашествия на связанных с морем старых и новых богов устоялась литературная мода.

Чтобы отдышаться от навязчивой толпы, Муромцев нырнул в лавку, менее других украшенную морским орнаментом. Он не прогадал. В лавке продавались навахи.

Денис полюбил ножи во время службы в Балтийске. Там же он охладел к огнестрельному оружию, которое в юности обожал. Стрелять и чистить его приходилось много, а нет лучшего средства растерзать влюблённость, чем быт. Зато сложилось с холодным оружием. Нож НВУ, который Денис освоил во время водолазной подготовки, лёг в руку матроса Муромцева как родной, а на дембель он увёз нож разведчика НР-2 с морпеховской подвеской, который достался... чисто случайно.

На гражданке Денис научился разбираться в холодняке. Это особенно пригодилось в экспедиции, когда в большом мужском коллективе ножики оказались предметом постоянного дефицита, потому что их никто не носил. Суровые петербургские океанологи, имеющие немалый опыт полярных работ, с удивительной наивностью относились к обладанию повседневными орудиями хозяйственно-бытового назначения. Хлеб учёным нарежали на камбузе, сало

они рвали зубами, а в лаборатории пользовались скальпелем и полотном безопасной бритвы «Нева». Такие уж были люди в ГосНИИ биологии моря. Над молодым лаборантом подшучивали, называли опасным человеком, но то и дело просили что-нибудь отрезать. Этим океанологи отличались от добродушных полярников из института Арктики и Антарктики, у которых ножи были всегда.

И сейчас, оказавшись в городе без привычного складня в кармане (ехали поездом через сто границ, нож пришлось оставить дома), Денис чувствовал себя будто голым. Словно вышел на улицу босиком или сломал zipper в общественном месте. Только занырнув в полутёмную лавку, Муромцев успокоился. В магазине торговали псевдоматросскими аксессуарами, привлекательными для туристов, но на которые не позарится настоящий моряк, и была там витрина с навахами. Денис склонился над ней. Висящий на шее амулет выскользнул из-под рубашки и звякнул о стекло.

Наваха глянулась ему сразу. Не самая большая, с двенадцатисантиметровым клинком (были и куда длиннее), не самая броская (были с накладками и поярче), но самая гармоничная. А может, просто пришлась по вкусу.

– Покажите эту, – указал Муромцев.

Говорил он по-русски, но португалец понял. Сложно не понять, когда покупатель проявляет интерес и тычет пальцем. Достал с витрины наваху, отжал замок, в знак вежливости сложил, протянул. Денис принял нож и подивился его тяжести. Это было изделие из серии «берёшь в руки – маешь Вещь». По весу угадывалось, что материалы тут настоящие, безо всякой пластмассы, и на них не экономили. Прочный, добротный инструмент, который прослужит долго. Рукоятка с накладками из оленьего рога, латунные притины¹, латунное навершие в виде характерного для навахи кривого хвоста, чтобы нож удобно было выдёргивать из-за пояса или из кармана. Всё собрано на толстом каркасе из латуни. Денис раскрыл наваху. Люто протрещала пружина замка по зубчатке на задней части клинка. Замок из нержавейки был тугой, хороший. Клинок встал на стопор и не вихлялся. Он был сработан из 440В, если верить клейму на пороге. Заурядная легированная сталь, недорогая, но приличная. Сам клинок формы бандольера с длинным вогнутым понижением обуха больше чем от середины длины был предназначен для нанесения обширных резаных ран при уколе. Оружие настоящих мужчин, популярных в Южной Европе – усатых, мордатых, на высоких каблуках и напыщенных. Муромцев улыбнулся. Он хотел такую наваху.

Продавец что-то сказал ему. Наверное, назвал цену.

– Денег нет, – грустно ответил Муромцев. (Рядом с ним отирался грязный коротышка, занырнувший с улицы следом. Наверное, хотел стянуть бумажник. Муромцев даже не беспокоился по этому поводу).

Португалец энергично кивнул, выпалил какую-то фразу, показал на грудь Дениса.

– Сорри. Ай донт андестэн ю, – пожал плечами лаборант, надеясь объясниться с ним по-английски, который отважно учил для поступления в университет.

Глаза продавца сверкнули. Он нашёл с покупателем общий язык.

– Чейнш, – предложил он. – Риал?

– Ват? – не понял Денис. – Чего реал?

Один говорил с диким португальским акцентом, другой с русским, но оба интуитивно догадывались, о чём речь, по жестам и мимике. Денис и не думал, что будет так просто. Когда он узнал, что едет в командировку, то купил русско-португальский разговорник и пытался штудировать дома, а в поезде стал оттачивать фразы на попутчиках, надеясь, что они тоже учат язык. Энтузиазм встретил непонимание и обидную насмешку. Смольский сказал ему: «Разговорник – самая тупая книга на свете. Вопросы-то вы зададите, Денис. Возможно, их даже пой-

¹ Металлическая деталь, прикрывающая с обеих сторон участок рукояти, примыкающий к клинку.

мут, но что вы будете делать с ответами?» Со стороны могло показаться, что Смольский издевается и не скрывает этого, но он не издевался. Смольский действительно так думал. Денис не мог не признать его правоту, особенно, когда вышел на вокзал Лиссабона. Люди говорили совершенно непонятно, даже страшно было подойти к ним со своим нелепым разговорником и о чём-то спросить. Однако когда понадобилось объясниться в реальности, дело пошло как по маслу.

– Ю амилет, – беззастенчиво ткнул пальцем продавец в висящий на шее Дениса засушенный экземпляр неотеничной формы инопланетной губки, которую лаборант добыл в своей первой экспедиции во время промывки пробы. Драга поднимала со дна Карского моря тонны грязи, в которую надо было залезть и достать самые удивительные образцы флоры и фауны. Те, что попроще, не возбранялось брать на память.

Молодая *Xenolofora maritima arctica*, морской кактус, вернее, его личинка, вела себя как полноценное животное. Она могла ползать по дну, плавать, охотиться на микроскопические организмы и даже размножаться половым путём, а потом прикрепиться к донному субстрату и начать бурно расти. Во взрослой стадии морской кактус вёл себя как представитель растительного мира: утрачивал органы чувств и половые признаки, мирно фильтровал воду, отращивал споровые мешки и колючки для защиты от хищников. Из спор кактуса появлялись способные к размножению в неотеничной стадии личинки. Из оплодотворённой икры личинок вылуплялись неполноценные личинки, дающие потомство только в виде растения. Доподлинно не было установлено, зачем на родной планете, из океанов которой прибыли пришельцы, возникла такая форма метаболита, но имелась гипотеза о связи с сезонным размножением хищников, истреблявших поля растительной ксенолофобии и не замечавших мелких и проворных личинок. Полноценная личинка, согласно поверьям, распространённым среди обитателей Диксона, давала бодрость духа и мужскую силу. Она расценивалась лаборантом чем-то вроде кроличьей лапки. Забавный, но бесполезный, если в него не верить, предмет. Сувенир. «Чего он так возбудился?» – Муромцев с беспокойством наблюдая за оживлением лавочника.

– Йес, реалли, – кивнул Денис. – Итс ксенолофофора маритима арктика, ши лэвс в Карском море. Ин... Ин зе Арктик оушэн. Итс норд.

– Актик ошен, – зачарованно повторил продавец.

– Хорошая, годная личинка, – заверил лаборант и, хотя без увеличительного стекла это было не доказать, добавил: – Самэц. Итс мэйел бест!

Португалец указал на нож:

– Чейнш!

До Дениса дошло, но он не поверил, что лавочник хочет сменять драгоценную навагу на пустяковый экземпляр арктической личинки морского кактуса. Пусть здесь такие не водятся, но покупать её в центре продажи морских сувениров казалось противоестественным. Здесь был явно какой-то подвох.

– Чейндж, баш на баш? Окей, – Денис снял через голову шнурок и протянул сушёную личинку продавцу, тот потёр её большим пальцем, понюхал, кивнул, двинул по стеклу к покупателю навагу.

Всё ещё не веря в своё счастье, Муромцев сложил нож и сунул в передний карман джинсов. Продавец явно остался доволен сделкой. Даже коротышка от прилавка отвалил и выкатился на улицу, утратив интерес к торговле. Глянув на часы, Денис прикинул, что ему тоже пора. Сделать круг по городу, посмотреть недосмотренное и вернуться пешком в гостиницу. Он сдал к дверям, попрощался по-португальски «А тэ авишта», впервые применив фразу из разговорника, задел головой колокольчик и удалился, впуская в лавку немного дневного света. Дверь закрылась, подтянутая слабой пружиной, колокольчик снова динькнул, и волшебный закоулок навах отделился от внешнего мира.

«Пёс, который бродит, кость находит», – всплыла в памяти цыганская поговорка из «Кармен» Проспера Мериме. Ещё там фигурировали мачо, резня и навахи. Вспомнив об этом, Муромцев усмехнулся.

Он быстро пошёл по улице, выискивая перекрёсток, чтобы свернуть к центру Лиссабона, но попадались только грязные проулки, ведущие в тупики и дворы. Тогда Муромцев развернулся и ринулся назад. За публичным домом он надеялся обнаружить проезжую улицу, способную вывести из трущоб в приличное место. Южное столпотворение начинало угнетать. Муромцев ускорил шаг.

Когда навстречу из аппендикса между домами выкатилась шайка подонков, тревожный сигнал не сработал, столь был лаборант измотан жарой и сутолокой. Только когда дорогу заступил мускулистый мужик, носатый, мордатый, с нахальными серыми глазами, и Денис машинально уклонился от столкновения, а тот повторил манёвр, инстинкт парня с питерской окраины дал себя знать. «Откуда тут грузин?» – удивился Муромцев и насторожился. Подобные ребята жили с ним в одном доме. От кавказцев он не ждал ничего хорошего.

– Дай пройти, – сказал Денис.

За спиной грузина он увидел коротышку из лавки.

«Вот я встрял», – понял Муромцев.

– Чего тебе надо? – спросил он, надеясь, что грузин поймёт. Ему невдомёк было, что это корсиканец. Иногда понтийские типы из разных земель могут быть очень схожи, как иберийская группа корсиканцев и грузины.

Грузин нагло отозвался на непонятном языке, а кодлан быстро обступил туриста и прихватил под руки, намереваясь отвести в тупичок. Прямо на улице лазить по карманам было не принято. Это могло напугать других туристов.

– Не понимаю. Донт андестэн. Чего вы докопались? – Денис вырвался из цепкой лапки коротышки и подумал, что сейчас его ударят.

Метр восемьдесят роста при восьмидесяти двух килограммах молодой мускулатуры были существенным преимуществом против низких во всех отношениях потомков мавров. Голодранцы не удержали его. В воздухе мелькнул кулак, но Денис уклонился и костяшки скользнули по скуле. Встречный удар двадцатисемилетнего водолаза прилетел нападающему в грудь. В армии это называлось «пробить фанеру». Грудина оборванца прогнулась, он издал отвратительный нутряной звук и грохнулся на дорогу. Замелькали кулаки. Денис двинул локтём и попал в нос коротышке. Тот схватился за лицо, отпрянул и согнулся. Грабители отскочили. Они не привыкли к яростному отпору со стороны туристов и предоставили старшему решать, что делать дальше.

Грузин зарядил было ногой по яйцам, но в пах не попал, зато больно заехал по ляжке. «Сволочь!» – Денис лягнул его в ответ, угодил под колено. Предводитель шайки захромал и обеими руками раскрыл нож.

– Нарываешься? – рыкнул Денис, чтобы застрашать противника.

Складень в его руке пугал лаборанта. Это тоже была наваха, только значительно длиннее и уже, из серой углеродистой стали, с пятнами то ли ржавчины, то ли крови.

В чужом городе, в незнакомой стране, среди не пойми какого народа, настроенного откровенно враждебно, Муромцев растерялся. Он не знал, как себя вести. Если бы это оказалось Колпино или новостройки у Финского залива, он бы знал, что делать, но здесь была отнюдь не родина.

– Вы чё, рамсы попутали?

«Нет, съехать на базаре не получится, – с тоской подумал Денис и отпрянул, когда корсиканец сделал осторожный выпад навахой. – Может, он и не грузин вовсе? Во дерзкий какой».

Толпа расступилась, с интересом наблюдая за поединком дюжего туриста и Рафаэля. Резать открыто средь бела дня могло оказаться чревато отправкой за решётку, но этот случай был исключительным. Прежде туристы не попадались такие наглые, а, как приличные люди, давали себя увести в укромное место и там без лишнего шума обчистить. Обитатели портового квартала глазели на Рафаэля. Ещё пару раз пуганёт, и турист сдастся. Дальше всё пойдёт своим чередом – в полицию поступит новая жалоба, но грабителей, как всегда, не найдут.

Под руку сама попалась кривая железка. Денис машинально рванул её вверх... и обнаружил в ладони наваху. Она зацепилась изогнутым хвостом за пальцы и вылетела из кармана как на крыльях. Денис раскрыл нож. От звука трещотки корсиканец поумерил пыл. И хотя его нож был длиннее, телосложение туриста с лихвой компенсировало двухдюймовое превосходство клинка.

– Сам нарвался! – рявкнул по-корсикански Рафаэль, отступать которому было теперь решительно невозможно, он потерял бы корону на своей улице и во всех переулках.

Корсиканец ринулся в атаку, выставив перед собой согнутую в локте левую руку, чтобы принять удар чужака как щитом. Теперь он был готов к ранениям и шёл на размен в надежде, что турист струсит и бросит нож. Наваху он держал возле живота, готовясь клинком встретить клинок, если противник атакует с правой стороны. Один-два пореза предплечья, неприятно, но терпимо по сравнению с потерей авторитета. Шкура зарастёт, а порванный в лохмотья престиж – никогда.

Предводитель шайки оборванцев, который, как начал подозревать Муромцев, не был кавказцем, а являлся каким-то средиземноморским горцем, полез на нож. Денис остерегся его пырять и сам увернулся от клинка, мелькнувшего возле рёбер со скоростью жалящей змеи. Ушёл ещё раз, но долго так продолжаться не могло. Если противник хочет тебя зарезать, а ты ничего не делаешь, он зарежет. Умирать под жарким солнцем на грязном асфальте среди черномазых нищих было скверно. Горец прорычал звериное проклятье, вдруг поменял стойку и прыгнул, молниеносно сократив дистанцию. Муромцев машинально накрыл левой рукой его

правую, отвёл клинок вниз и наружу. Дальше случилось как-то само. Денис быстро двинул рукой – и нож из белого стал красным. Корсиканец взвизгнул, отпрянул, схватился за живот, посмотрел на свои руки и замер в ужасе. Проклятый турист попал в желудок, это была смерть! В рану вошёл воздух, и Рафаэль съёжился от нестерпимой боли. Он закричал.

«Будто резаный», – пришло в голову Денису.

Он стремительно развернулся, описав окровавленным клинком полукруг.

– Ну, кто ещё?

Однако желающих не нашлось. От безумного туриста держались подальше.

Корсиканец упал, скрючился, засучил ногами всё слабее и слабее. Он быстро затих.

Муромцев не помнил, как сложил наваху и спрятал в карман. Он пробежал мимо публичного дома, свернул на широкую улицу и понёсся, будто за ним гнались гончие ада.

Так и было бы, если бы кто-то донёс в полицию.

Глядя, как подплывает в луже крови труп Рафаэля, сутенёр подумал, что от глупых рюкзачников одни проблемы, выплюнул жевательный табак и убрался за дверь, чтобы залить впечатления рюмкой кашасы.

Глава 2

– Денис, вы идиот! – Арина затянулась сигаретой, в тишине гостиничного номера отчётливо затрещал табак. – Сначала Белкин с аппендицитом, теперь вы. Мне придётся отправить вас в аэропорт, чтобы вы первым рейсом улетели в Россию.

– А вы? – глупо спросил Денис.

– Мы будем сидеть на чемоданах и ждать пополнения. Или вернёмся домой, это как покажут. Вы хоть понимаете, что на другую такую экспедицию наш институт в ближайшие годы не наскребёт средств? Финансовый план расписан на пятилетку вперёд, господа... У нас и так был ограниченный численный состав. Ну, без Белкина, ладно, мы как-нибудь обойдёмся. Поднатужимся и справимся. Но вы же водолаз! Куда мы без вас денемся? Один Виктор Николаевич не потянет всю программу. Идиот. Какой вы идиот!

Рощина быстро шагала по номеру от окна к столу, от стола к подоконнику, остановилась, выбила из пачки новую сигарету, прикурила от старой, тщательно затушила окурочек в блюдце, жёстко давя последние искры.

– Арина Дмитриевна...

– Молчи!

Арина затянулась, задумалась, быстро и решительно подняла глаза на Дениса.

– Вот что, Муромцев. Вы делаете вид, будто ничего не произошло. Никому ни слова, поняли? Ни полслова! Ни намёка. Не делайте хмурое лицо, вы не на поминках. Завтра мы грузимся и уезжаем в Синиш. Всё готово. Ничто не срывается, если действовать быстро. После завтра мы в море, а там никто нас не найдёт, пока не ступим на берег Португалии. А там уж победителей не судят. Может быть, высадим вас в Испании, чтобы вы могли вернуться на родину без кандалов. Шенгенская виза есть, через границу вас пропустят.

– Спасибо, Арина Дмитриевна! – с жаром поблагодарил Денис и осёкся.

Рощина проглотила его взглядом насквозь. Она была на голову ниже Муромцева, но ухитрялась смотреть свысока. Худая, жилистая, обветренная до вечной смуглости, с веснушками на носу и пигментными пятнами на скулах, с чёрными глазами и характером, как топор, заведующая лабораторией экологии беспозвоночных, в которой трудился Муромцев, кандидат биологических наук Арина Рощина была опытным полевым работником. Начальство доверяло ей безмерно. Денис ездил с ней на Карское море и Землю Франца-Иосифа. Две экспедиции без пролётов – Арина стала его уважать. Она же настояла на включении Муромцева в состав Португальского отряда, хотя на место лаборанта без высшего образования планировали поставить дипломированного сотрудника пусть и с недостаточным опытом водолазных работ.

– Нужно будет, я вас уволю, – отчеканила Арина, окутывая Муромцева невероятным количеством табачного дыма. – Я не провалила ни одной экспедиции. И эту срывать не намерена. Идите.

Муромцев выкатился в коридор с чувством невероятного облегчения. Начальницы он боялся как огня и ждал небесных кар, даже не представляя каких, но закончиться они должны были в полиции. Вместо этого Арина объявила, что закрывает на всё глаза. По-другому, если бы Денис мог успокоиться и подумать, быть не могло. Слишком многое оказалось поставлено на карту, чтобы сдать сотрудника и тем самым испортить репутацию института за границей. Атлантическая экспедиция, на которую Академия Наук выделила неожиданно щедрые фонды, состояла из трёх отрядов. Британский занимался дражными разработками ксеноинвазий в Северной Атлантике. Французский должен был собирать образцы не ниже сороковой широты, сочетая драгирование на малых глубинах с водолажными работами, а Португальский отправили на отмели, созданные пришельцами возле западного побережья Африки. Он был самый

малочисленный, на него наскребали по сусекам, урезая расходы где только можно. В отряде было пять человек. Однако старший научный сотрудник Белкин в поезде занемог, до Лиссабона доехал на обезболивающих, в госпитале ему диагностировали аппендицит. Для отряда это был удар под дых. Он едва не сорвал всю работу группы, для которой и так задач было поставлено выше крыши. Арина бегала из больницы в посольство и дымила как паровоз. По её твердокаменному лицу можно было только догадываться, какие тёплые и ласковые слова она сдерживает, чтобы вслух не охарактеризовать дипломатических работников. Тем не менее удалось договориться об операции и отправке Белкина домой. Пока Рощина металась, члены группы могли наслаждаться видами Лиссабона. Их участия в переговорах с посольскими не требовалось, чему лишённые административной жилки сотрудники втайне радовались.

К вящему облегчению Дениса, старшие товарищи не проявили активного интереса к его вылазке. Они сами только что вернулись. В четырёхместном номере дальняя комната Муромцева была полностью заставлена экспедиционным багажом. Пустая кровать и узкий проход к ней – вот и всё пространство, выделенное для нужд лаборанта. В комнате научных сотрудников работал телевизор. Игнорируя его, Смольский за столом что-то писал. Невзирая на жару, он был при галстук. Тяга к официозу у ведущего научного сотрудника лаборатории фармакологии доходила порой до снобизма. Всю дорогу он прожил в купе, снимая деловой костюм только на ночь. Белкин и Казаков подтрунивали над ним, однако Смольский вёл себя надменно, держал дистанцию. С Денисом он практически не разговаривал, лишь изредка снисходил до колких замечаний. Невысокий, большеголовый, с залысинами, в очках с тонкой позолоченной оправой, Михаил Анатольевич Смольский производил впечатление методичного учёного, для которого не существует моральных принципов и этических препятствий. В отличие от коллег, он не был полевым работником, а занимался наукой преимущественно в стенах института.

Денис поздоровался, но Смольский только кивнул и вернулся к прерванному занятию. Лаборант даже порадовался. С таким соседом было проще.

Щёлкнул замок ванной комнаты, вышел Казаков в одних джинсах, влажный после душа. Крупный, весёлый, выше Муромцева, старший научный сотрудник лаборатории экологии бентоса был опытным водолазом и являлся вторым по значимости в отряде после Рощиной.

– Здравствуй, Виктор Николаевич, – приветствовал его Муромцев, стараясь не показывать волнения.

– Денис! Как город, насмотрелись на красоты?

– Ничего так, – при воспоминании о трущобах всё внутри переворачивалось. – Вы тоже смотрели?

– Белкина навещал. Я тут Михаил Анатольевичу рассказывал, – Казаков энергично протёр короткую курчавую шевелюру гостиничным полотенцем.

– Как он? – с живостью спросил Муромцев.

– Плохо. Ещё от наркоза не отошёл. Стали операцию делать, а он взял и умер на столе. Еле откачали. Плохо экспедиция началась.

– Это случайность, – возразил Смольский.

«Знал бы ты», – мысленно съязвил Денис.

– Случайность есть непознанная закономерность, – авторитетно заявил Казаков. – Вот сейчас расскажу. Три года назад в Баренцевом море дело было. Мы обскребали драгой возвышенность Персея на предмет тамошнего ксенобентоса. И случилось так, что у нас оборвался трос. Делать нечего, надели на меня трёхболтовку, и я полез спасать наш драгоценный ИС-1. Погрузился на сорок пять метров. Темно, вода мутная, не вижу ни черта. Пока добрался до короба, минут пятнадцать прошло, и тут отрубается компрессор. По радиации сообщают, что сломался шток насоса. Трандец, приплыли. Страшно, я вам доложу. Под тяжким-то гнётом водяной толщи, без подачи воздуха. Да ещё клапан подтравливает, как потом выясняется, в процессе застревания. Начинает обжимать. Глаза лезут из орбит. Задыхаюсь, но держу себя в

руках, не паникую, чтобы лишний кислород не расходовать. Ребята начинают качать ручной помпой, меня спешным порядком выдёргивают вверх. Без выдержки, на неё всем плевать, разоблачают и – в барокамеру. Ничего, полежал пять часов, обошлось.

– Это вы недолго на грунте проработали, – припомнил режимы декомпрессии Муромцев.

– Да, повезло, Денис. Драгу злополучную мы бросили. Водолазов в отряде больше не было, а меня под воду Швецов не пустил. Хватит, говорит, рисковать здоровьем из-за железа, пока там не остался.

– Не остались же, – с наигранным оптимизмом констатировал Муромцев, который изрядно нервничал.

Он не ждал стука в дверь с требованием «Откройте, полиция!», хотя опасение лежало на дне души как стелька в ботинке, но проявить нервозность и вызвать расспросы, от которых не сможет уйти и обязательно проговорится, боялся. Непонятно, какие последствия вызовет его рассказ о драке с местными, в которой он пырнул человека ножом. Окровавленная наваха по-прежнему лежала в переднем кармане джинсов. Муромцев не смог заставить себя её выкинуть, просто запихал поглубже, чтобы не отблескивал красивый латунный хвост. Джинсы сидели свободно, нож практически не выпирал. Натёкшая с него кровь пропитала чёрную ткань, но была почти незаметна. На всякий случай Денис залихватски запустил большие пальцы в карманы, а кистями прикрыл подозрительные места. Он старался держаться раскованно, тем более что деваться из комнаты было некуда.

– Но шансы застрять у вас имелись, – заметил Смольский.

– Да нет, остаться на дне шансов у меня не было, ребята бы вытащили, – Казаков задумался, глаза его остановились, будто водолаз вглядывался в бездну. – Но проклятая закономерность взяла своё. Через неделю Степан Алексеевич Шаргин у Максимова в отряде сорвался со спускового конца и ушёл на глубину девяносто метров. Получил тяжёлый обжим. Грудь в шлем вдавилась, перелом ключиц, рёбер, повреждение лёгких, трещины в черепе. Шланг оборвался, но, в общем... Пока второго водолаза спустили, пока их подняли, время ушло. Да и сделать ничего было нельзя. Его переломало всего, кровь из ушей, из носа, кажется, из глаз шла. Шаргина сразу отправили на Новую Землю, оттуда бортом в Петербург... Пока ехал, развился отёк мозга. Так Степан Алексеевич и умер в Военно-Медицинской Академии.

В номере повисло тягостное молчание. Муромцев сглотнул.

– Пришельцы спусковой конец обрезали? – спросил он.

– Вряд ли, – ответил Казаков. – Скорее всего, сами виноваты, недосмотрели, что конец перетёрся. Там нет амфибий и наutilusов, которые могли бы перегрызть. Да и расследование показало, что произошёл обрыв, а не механическое повреждение.

Смольский смотрел на него снизу-вверх, выпятил слегка грудь, вступая в настоящий мужской разговор. Сказал, вложив в голос побольше весомости:

– Я об этом слышал. Думал, что только нам не повезло. Я был в той проклятой комплексной экспедиции Академии Наук, только в отряде у Пашенко. Делали ему дисер по волнам ксеноинвазии в арктических водах, – он качнул головой и, как показалось Денису, злобно блеснул очками. – Отбирали в жёлобе Святой Анны донно-каменный материал и осадки скальной драгой. На проходке профиля на глубине шестисот метров у нас застряла СКД-3. Встала намертво, не вытянуть. Обводным тросом тоже не перевернуть, как будто прилипла к грунту или набрала чего-то такого... свертляжёлого. Гидролокатор показывает крупные камни на дне и нашу драгу среди них. Делать нечего, давай тягать, и тут пожар в машинном отделении. Все кинулись бороться за живучесть. Драгу, в конце концов, бросили, не смогли поднять. Господин Пашенко рвёт и мечет, потому что за драгу институту платить. И тут повариха отравилась из-за несчастной любви. Надя такая была, если помните, Виктор Николаевич. Этот случай даже комментировать не буду... На судне кошмар какой-то нереальный. Дуру самолётом санитарной авиации вывозили. Мы за пять часов взлётно-посадочную полосу на льду обустроили. Без

всяких тракторов и бульдозеров, вручную. Вот такая череда чрезвычайных происшествий. И у каждой была своя, независимая от остальных, но вполне объяснимая причина.

– А с драгой, как вы считаете, Михаил Анатольевич, пришельцы? – спросил Денис, чтобы поговорить со Смольским.

– Порчу на неё навели, – усмехнулся Казаков.

– Драга неудачно вошла и застряла между грубыми обломками ледниковой породы. Без всяких пришельцев обошлись. Всё сами. Всё своими руками. Сами проблемы создаём и потом героически с ними боремся, неся потери в живой силе и технике, – с горькой иронией закончил Смольский. – Пашенко тогда подтвердил гипотезу, что в холодных водах проникновение пришельцев носит ступенчатый характер. Сначала закрепляются представители растительного мира, затем на развитой кормовой базе происходит скачкообразный рост популяции травоядных, которые служат пищевым ресурсом для хищников. Это в отличие от тёплых вод, где распространение ксенобиоты осуществляется по нарастающей, что свидетельствует о более высокой средней температуре их родной планеты. Его гипотеза подтверждается исследованием глаз амфибий, зрительный диапазон которых сдвинут в инфракрасную часть спектра. Защитил докторскую на нашем материале! А потом и в Академию выбрали, – закончил он с ощутимой досадой.

– Это ваша единственная экспедиция? – спросил Казаков, мимоходом опустив кабинетного работника ради поднятия собственного статуса в группе.

– Были ещё студенческие практики, – холодно ответил Смольский и добавил, не смог удержаться: – Для учёного моего типа этого достаточно.

– Почему вы от Пашенко ушли? – невинным тоном поинтересовался Казаков. – Аэродром так повлиял, что вы предпочли фармакологию тропических вод?

– Простите, но нюансы взаимоотношений с бывшим научным руководителем я обсуждать не буду, – Смольский указал глазами на лаборанта.

– Извините за нескромный вопрос, – сказал Казаков.

Муромцев почувствовал себя лишним и хотел было уйти в свою комнату, прилечь там и затаиться, но Казаков вдруг обернулся к нему и спросил:

– А у вас, Денис, есть что вспомнить о погружениях?

Он как будто не хотел находиться наедине со Смольским. «Под тяжким гнѐтом водяной толщи», – вспомнил Муромцев его слова. Михаил Анатольевич морально давил. Казакову, видимо, тоже было с ним некомфортно.

– У нас... – Муромцев запнулся, но на ум пришла только вызванная мрачными воспоминаниями научных сотрудников зимняя история, и он сбивчиво начал: – Я после дембеля в отряд аварийно-спасательных работ устроился, пока в техникум не поступил. Как-то нас послали на залив тачку рыболовов поднимать. Она у Толбухина маяка под лёд провалилась, в машине были люди. Кто-то там остался, другие выбрались на лёд, но до города не дошли, замёрзли. Тогда была очень холодная зима. Трупы только утром заметили другие автомобилисты, которые там ездили, они же обнаружили полынью. Полиция, расследование, вызвали спасателей. Ну, мы прибыли. Я погрузился, вижу джип, а из двери торчит кто-то. Стекло было опущено, пытались выбраться. Какие-то пассажиры выбрались, а женщина застряла. Я приблизился. Она висит в окне, наполовину высунувшись, и волосы развиваются в воде. Вижу, глаза открыты, и она на меня смотрит. Я всё понимаю, что утонула, у неё на лице маска смерти застыла, а так страшно сделалось, не передать. Я её потянул, а женщина как-то очень легко вперёд подалась и поплыла, как русалка, прямо на меня. Плывёт и волосы развеваются, а глаза мне в глаза смотрят. Никогда не забуду. Да и снилась потом.

Казаков крикнул, покачался с пятки на носок, мотнул головой. Смольский закурил тонкую сигарету, испытующе глядел на лаборанта через прозрачную броню очков. Казалось, они служили защитой, и Михаил Анатольевич этим осознанно пользовался.

– Хлебнули вы в этом АСПТР, – с сочувствием вздохнул Казаков.

– Ерунда, – Денису было неловко, что он влез со своим ужасиком в воспоминания заслуженных научных работников, история казалась ему глупой и ничтожной по сравнению с драмами Арктики.

– Я так понимаю, что трагических экспедиций не было только у Арины Дмитриевны, – саркастически усмехнулся Смольский.

– И у Белкина, – добавил Казаков.

– У Белкина теперь есть.

Денис криво улыбнулся, вынул руки из карманов и следом до половины выдернул наваху. Она с удивительной цепкостью хваталась хвостом, словно не хотела сидеть в темноте и духоте, а стремилась наружу, к солнцу. «Она на свет лезет! Положительный фототаксис», – мелькнула в голове Муромцева несвоевременная мысль, потому что надо было спешно что-то предпринимать, дабы не показывать старшим окровавленного ножа. Однако вместо этого лаборант неловко попытался затолкать наваху назад, а она упёрлась в шов и застряла.

– Что у вас там? – заинтересовался Казаков.

– Это? – как можно небрежнее спросил Денис.

Страх куда-то пропал. Вместо него возникло чёткое понимание, что надо действовать быстро и дерзко. Как в армии. Он достал нож, повертел в руках, убрал обратно в карман.

– Это наваху. В магазине на ксенолофофору поменял, она у меня в качестве талисмана висела.

И он в красках описал портовые трущобы, ножевой магазинчик, выгодный торг. Всё, что было после, Денис опустил, будто вырвал из памяти страницу с воспоминаниями и бросил в мусорную корзину. Это получилось на удивление легко.

– Ого! – искренне порадовался Казаков. – Продуктивней всех нас сходили в город. Если вы станете так же добычливо работать на банках Атлантики, за судьбу экспедиции я могу быть спокоен.

Смольский же вздохнул и печально глянул в окно.

– Из всех достопримечательностей Лиссабона вы избрали клоаку, Денис, – с пренебрежением констатировал он, и лаборант понял, что ведущий научный сотрудник ему попросту завидует.

Глава 3

Яхта называлась «Морская лисица». Это была обшарпанная посудина с корпусом из стеклопластика длиной пятнадцать метров, шириной четыре с половиной, водоизмещением пятнадцать и семь десятых тонн, общей площадью парусности сто десять квадратных метров и стосильным спиртовым движком. Гибридный двигатель вырабатывал ток, заряжал аккумуляторы и подавал напряжение на электромотор, который крутил гребной винт. Также от проточных батарей запитывался холодильник, помпа, портативный компрессор высокого давления, а при необходимости и кондиционер. Когда-то «Морская лисица» была белоснежной красавицей для толстосумов, однако благословенные времена канули в Лету и теперь она превратилась в орудие сбора инопланетных трофеев, утратила лоск, но сохранила элегантность обводов, как состарившаяся светская львица.

– Чего вы хотели? – возмутился агент российского торгового представительства, когда Арина высказала ему всё, что думает по поводу такого фрахта. – Вам нужен был парусник с холодильником? Вот вам парусник с холодильником. Попробуйте поищите другой. Я вам всё быстро нашёл, а вы вместо спасибо мне тут выговариваете. Это лучшее за ваши деньги, Арина Дмитриевна. Да, это не трёхмачтовая шхуна, но зато она специально оборудована и команда знает своё дело. Они профессионально занимаются морским промыслом и не прочь заработать, взяв на борт пассажиров. Вам только кажется, что если город возле моря, то в нём нет отбоя от желающих вывезти вас к чёрту на рога. Тем более на банки пришельцев, там опасно. Если бы вы платили больше, то ещё куда бы ни шло, а так радуйтесь, что удачно подвернулась «Морская лисица». Команда отгуляла на берегу и готова выйти хоть завтра.

Арина плюнула и подписала каботажный договор в кабинете начальника порта.

Капитан и владелец яхты Жозе да Силва был мясистым мужиком с тяжёлым взглядом. Когда Денис впервые приметил его, то решил, что выгнанный с флота за пьянство биндюжник вызвался проводить учёных к судну, и подумывал, как половчее нагрузить его багажом, однако Арина вовремя представила капитана. Тут удивился даже экспедиционный волк Казаков. Таких капитанов на его веку ещё не было.

Нанятый за пару евро грузовичок привёз в порт отрядное имущество. Перекидав в очередной раз гору тюков и ящиков, Денис утвердился во мнении, что Смольский отлынивает, а Арина пашет наравне со всеми с мощностью в одну мужскую силу, невзирая на должность руководителя.

Расположенный в сотне километров от столицы Синиш также подвергся жестоким ударам стихий, только средств на восстановление у него было значительно меньше. На городке лежал отчётливый отпечаток разрухи. Возле моря целые кварталы оказались смыты и впоследствии хаотично застроены беженцами из Бразилии. Старые здания, возведённые из кирпича и камня, выдерживали наводнения со стойкостью ветеранов, но выглядели как изрядно повоевавшие фронтовики. Облезлые, с длинными трещинами вдоль фасада, они щерились провалами на месте обвалившихся балконов и пестрели язвами там, где осыпалась штукатурка. Местами на улицах торчали зубья руин с горками поросшего травой щебня. Оттуда высывались ржавые куски металлических конструкций и обломки мебели. Всё это придавало пейзажу невероятно фантастический вид. «Стигматы упадка», – желчно назвал их Смольский, однако под ярким синим небом раны, нанесённые пришельцами, не казались отвратительными. Под южным солнцем отсутствие всяких попыток реставрации выглядело жизнерадостной беспечностью. Легкомысленность португальцев лаборант уже начал принимать как само собой разумеющееся. Даже босяцкая внешность капитана да Силвы не могла его надолго смутить.

Смушала Муромцева жуткая неопределённость его теперешнего бытия. Инициатива Арины по скорейшему выходу в море привела к тому, что бумаги она подписывала практически без разбора. Денис заметил, какой она вернулась от начальника порта, а когда увидел капитана и судно, то почувствовал себя виноватым. Ему стоило немалых трудов скрывать от старших коллег нервозность и подавленность. Он хоть и понимал, какой сволочью был вожак уличных грабителей, но всё равно крепко раскаивался, что пырнул человека ножом. «Преступление и наказание» Муромцев в школе считал устаревшей нудятиной. Только сейчас, оказавшись в роли душегуба, ему открылось, что Достоевский не лгал и что терзания Раскольникова есть не нагромождение чуши рефлексирующим интеллигентом, а вполне реальное нравственное страдание, со знанием дела описанное классиком. Проворочавшись всю ночь без сна, Денис начал прозревать в школьной программе и людях, её составлявших, что-то совсем нехорошее. Что именно, сформулировать для себя не смог, однако стремление чиновников Министерства образования обучить невинных подростков знанию тёмной стороны жизни ему категорически не понравилось.

День принёс облегчение в тяжком труде. Погрузочно-разгрузочные работы выполнялись почти бегом. Научные сотрудники только диву давались неведь откуда взявшемуся трудовому энтузиазму лаборанта. Казаков в шутку пытался выяснить, не принимал ли Денис в трущобах чего запретного, но получил в ответ хмурое молчание и отстал.

Муромцев едва сдерживался, чтобы поминутно не оглядываться в ожидании полиции, но всё равно ловил себя на том, что слишком часто выискивает глазами людей в форме.

Напряжение отпустило в Синише, да и то не до конца. Свою долю добавляла Арина, которая почти ни с кем не разговаривала, курила сигареты одну за другой и явно стремилась оказаться подальше от Лиссабона. На Дениса она старалась не смотреть. Казаков оставил попытки с кондачка разобраться в ситуации, удивлённо пожал плечами, словно сообщив Арине: «Поступайте, как знаете. Понадоблюсь, я тут», и пустился в разговоры со Смольским, который оказался более словоохотлив.

Пришвартованная на дальнем конце пирса посуда с надписью «Sea fox» уныло тёрлась кранцами о стенку. Давно не крашенная, она походила на сказочную лису, пойманную в курятнике и как следует потрёпанную крестьянами. Привыкший к реалиям Северного морского пароходства Казаков аж присвистнул, когда узрел, что будет на ближайшее время их вторым домом.

На яхте играла музыка, воняло топливным этанолом, тархтел электрогенератор. Когда да Силва затопал по сходням, с рундука кокпита² поднялся белобрысый мужичок с узкой крысиной мордочкой. Поприветствовал капитана и нахально уставился на незнакомцев. На мужичке была засаленная белая футболка с жёлтыми разводами естественного происхождения, возможно, даже органического. Кремовые с бурыми полосами на самых пачкающихся местах джинсы затрудняли возможность установить, фабричный это окрас или благоприобретённый. Под ногами мужичка стояла кастрюлька, рядом на газете была разложена рыба, шкёрочный нож, потроха и головы.

Жозе да Силва по-хозяйски огляделся, упёр руки в бока и гаркнул:

– Кáка!

– Удивительно точен в определениях, – негромко сказал за спиной Дениса Смольский.

– Кáка! – проорал капитан, то ли бранясь, то ли командуя.

Под палубой рубки произошло какое-то движение. Из форлюка высунулась взъерошенная голова.

– Иди сюда, – распорядился Жозе на английском, по пути к причалу выяснив, что другого языка пассажиры не понимают. – Прошу на борт, – пригласил он учёных.

² Кокпит – открытое помещение на корме яхты.

Казаков первым вошёл по сходням, элегантно подал руку Арине, которая вряд ли нуждалась в знаках внимания, но из деликатности приняла. Перед этим она решительно метнула сигарету щелчком пальцев. Горящий окурок пролетел над кормой, описал в воздухе дымную дугу и исчез в акватории порта. Грязный мужичок проводил его своим крысиным жалом и с интересом пробежался взглядом по фигуре Рощиной. Денис пропустил Смольского и двинулся замыкающим, буровя глазами мужичка. В памяти почему-то всплыл трущобный коротышка, которому давеча по старой привычке умело пробил фанеру. Взгляды встретились. Нахальство на лице мужичка быстро сменилось растерянностью, он отшагнул, сел обратно на рундук и устался в слани, словно рыба на газете потребовала немедленного к себе внимания.

Мужчина с растрёпанной шевелюрой пружинисто выбрался из люка и, легко ступая босыми ногами по палубе, подошёл к гостям.

– Мой помощник, Карлос да Силва, – представил его капитан.

Мужчины пожали руки. На вид Карлосу было двадцать пять, он здорово походил на капитана. «Брат, наверное», – смекнул Денис, но вдаваться в свою родословную да Силва не стал, а указал на грязного мужичка:

– Это Ганс, наш кок.

– Добро пожаловать на «Морскую лисицу», – сказал Ганс на неплохом английском и поинтересовался у капитана: – На гостей тоже готовить?

– Готовь на всех, – распорядился да Силва и бросил помощнику: – Кака, мы заправились?

Помощник кивнул и сказал что-то на португальском.

– В присутствии гостей говори по-английски, – ответил да Силва. – С нами дама, надо проявить учтивость. Позови Миксера.

– Окей, Жо, – помощнику было всё равно, дама так дама, лишь бы платили.

Он метнулся в каюту и привёл заспанного рыжего малого, похожего на бультерьера. Маленькие красноватые глазки, будто лишённые ресниц, равнодушно скользнули по пассажирам. Даже Арина оставила его безучастным.

– Это матрос Миксер, – представил его капитан. – А это русские учёные, – разъяснил он персонально Миксеру. – Они из России. Пойдут с нами ловить на Селваженш и дальше куда пожелают. Это их начальник, – указал он на Арину. – Она ими командует. Слушайся её. К остальным проявляй почтение. А теперь ступай с этими господами, помоги грузиться.

Рыжий провёл ладонью по коротко стриженной башке и потопал по сходням на берег.

– Миксер неразговорчив, но исполнительен, – сообщил капитан. На борту он заметно подобрел. Слегка покачивающаяся палуба казалась ему и надёжнее, и привычнее земли. – У меня в команде пять человек вместе со мной. Спальных мест девять, ещё два можно сделать в форпике³, если понадобится. Пойдёмте, я покажу ваши каюты.

Внутри «Морская лисица» выглядела комфортабельнее, чем можно было представить с берега. Стены были отделаны шпоном настоящего красного дерева, а мебель сохранила следы лакировки. На корме была пара двухместных кают для пассажиров, тесных, как гробы. Одну заняли Арина с Казаковым, Муромцев и Смольский разместились напротив. Учёным на яхте оказались предоставлены самые благоприятные условия для продуктивной деятельности в море. Форпик был переоборудован во что-то типа лаборатории камеральной обработки материала в полевых условиях. Его здорово ободрали, обшили пластиком, на рундук настелили лист оцинкованной жести с бортиками, чтобы потрошить отмытую добычу и раскладывать по контейнерам. Носовую часть от середины судна отделял узкий проход, образованный крошечной капитанской каютой и закрытым дверью гальюном. В нём помещался прокачной унитаз, умывальник, а вместо душевой кабинки рачительные португальцы соорудили рундук. В кают-компании находились: камбуз, штурманский уголок, одна двухярусная и пара одноместных

³ Форпик – помещение в носовой части судна.

коек команды, холодильник и небольшая морозильная камера для хранения морских трофеев. Агент не соврал, заверяя, что «Морская лисица» обустроена для сбора инопланетной живности. Крейсерскую яхту превратили в рабочую посудину. Арина не сомневалась, что капитан при случае не брезгует контрабандой, и утвердилась во мнении, что с ним всегда можно договориться, если понадобится провезти в обход таможни редкий экземпляр внеземного организма.

Карлос отправился в город собирать экипаж. Пока учёные размещались, стали подтягиваться матросы. Капитан обещал отчалить к вечеру. Начинал задуть норд-вест, грех было не воспользоваться хорошей погодой. Арина повеселела. Только у Дениса на сердце скребли кошки. Ему не нравилась команда, поднимавшиеся на борт моряки выглядели подозрительнее оборванцев из трущоб, и росла подспудная тревога. Ожидания нехорошего, вопреки надеждам, не унимались и, наконец, сбылись.

– Полицейская проверка, – капитан да Силва заглянул в каюты гостей, встретился глазами с присевшим возле открытого рундука Денисом. – Вас просят выйти на палубу и предъявить документы.

Денис, не чуя под собой ног, выбрался в кокпит, где столпились коллеги. Усатый офицер изучал на экране планшета их паспорта. Возле машины на пирсе переминался скучающий полицейский.

Для безобидного южного городка такое проявление бдительности выглядело странно. Не таможенники рылись в грузе пришедшего из рейса судна и не пограничники изучали документы уходящих в море иностранцев, а самая обычная патрульно-постовая служба, к форме которой Муромцев пригляделся в Лиссабоне, трясла учёных. С таможенными бумагами всё было в порядке. Экспедиционное имущество проверили при въезде в Португалию, но оно совершенно не интересовало полицию. Её интересовали пассажиры «Морской лисицы».

«Кто-то настучал, – всполошился лаборант. – Но кто и что? Мог начальник порта донести, ему по должности положено, или...»

Это самое «или» вызывало особенную тревогу.

«Быть такого не может», – убеждал себя Муромцев. Здравый смысл подсказывал, что опознать в нём российского гражданина, поселившегося в гостинице и рано утром уехавшего из столицы, в трущобах было некому. И даже если опознали, задержание проводится не так. В руках у офицера полиции не было распечатки фоторобота или композиционного портрета подозреваемого на экране планшета.

Однако офицер присмотрелся к смущённому и взволнованному иностранцу, самому последнему из вышедших на проверку и самому молодому, небрежно пролистал бумажный паспорт и, даже не считав на сканере биометрию, положил в карман. Он что-то сказал капитану.

– Какие вопросы? – нахмурилась Арина.

– Ему придётся проехать в полицейский участок, – перевёл да Силва.

Глава 4

Человеку за границей весело не всегда, особенно командированному. Если ты приехал не в качестве туриста и у тебя начались проблемы, выдворением из страны они не закончатся. Осложнения в выполнении служебной задачи, а то и полный её срыв обязательно скажутся по месту работы, и последствия по возвращении домой могут быть самыми затяжными и неприятными. Однако, если на тебе висит убийство, о депортации можно только мечтать. Увольнение из института с плохой характеристикой, которая, несомненно, затруднит поступление на биофак Университета в следующем году, казалось Денису почти спасением по сравнению с перспективой встретить этот самый год и много следующих в португальской тюрьме.

Наручников не надели, но в участок привезли на заднем сиденье, отделённом от водителя решёткой. Внутренних ручек на дверях не было.

Что делать? Кого звать на помощь? «Я хочу российского консула! – вертелся в голове скабрёзный анекдот. – О, месье знает толк в извращениях».

Анекдот по сути был верен. Наслушавшись Арины, Муромцев счёл обращение к родному дипкорпусу полноценным извращением наподобие мазохизма. Суровые русские дипломаты высоко ценили духовную крепость соотечественников и их способность к выживанию, а потому никогда не помогали. Или просто ленились и мало интересовались судьбой земляков. Они могли передать нашкодившего туриста в руки местного правосудия, но укрыть его на территории посольства, чтобы по внутренним каналам решить вопрос с туземными властями и судить провинившегося в России, не позволяла особенная гордость. Таким образом, самым разумным выходом для попавшего в беду гражданина РФ было целиком полагаться на свои силы.

Раньше о таких беднягах Денис только читал в интернете. Ему в голову прийти не могло, что он сам окажется русо туристо из тревел-боевика «Бриллиантовая рука наносит ответный удар». Переступить грань закона оказалось не просто легко, а совершенно незаметно. Только вышел погулять в чужой город и вот уже стоишь с окровавленным ножом, а у твоих ног корчится абориген. Газеты ввали про беспрецедентную российскую преступность. Никакой пролетарский микрорайон Петербурга в летний вечер не мог сравниться с Лиссабоном, где туриста средь бела дня пытались ограбить, а потом зарезать на глазах прохожих.

Могло ли это служить оправданием?

В полицейской машине Денис сделал однозначный для себя вывод: «Нет!»

Он знал – за преступлением обязательно последует наказание, но не думал, что так быстро.

В участке задержанного не стали томить в клетке при дежурной части. Доставивший его офицер переговорил с полицейским клерком, тот позвонил по местному телефону, забрал паспорт и отвёл Дениса в кабинет на втором этаже.

«Без протокола, вообще никак не оформили, – удивился Муромцев пугающей незатейливости португальских порядков. – Завели в мусарню, и я бесследно исчез».

В дежурной части у него не отсканировали ладони, не отобрали ни ремня, ни шнурков, даже не заставили вывернуть карманы. Между тем в джинсах лежала наваха. Как лучше незаметно открыть её, порешить дежурного, выпрыгнуть в окно и убежать, Денис начал прикидывать по дороге наверх. Залихватская атмосфера лиссабонских трущоб оказалась заразительнее лёгочной чумы.

Иллюзия развеялась на пороге кабинета. На окнах были решётки.

– Проходите, – сказал по-русски сидевший за столом полицейский и добавил что-то на португальском.

Дежурный завёл Муромцева в заваленную бумагами комнату, вручил полицейскому паспорт и удалился.

– Садитесь, – указал полицейский на стул.

Его костистое лицо, хоть и покрытое загаром, ни в какое сравнение не шло со звериными рожами местных. Муромцев догадался, что перед ним соотечественник. Пускай бывший, но русский. Только что он делает в полиции?

– Садиться не за что, – колко ответил он. – Я лучше присяду.

Полицейский оторвался от загранпаспорта, поднял взгляд. Глаза у него были как у китайского мопса – круглые, карие, навывкате. Угловатый череп, обтянутый шкурой нездорового цвета, казался непомерно велик по сравнению с узкими плечами.

Они угрюмо уставились друг на друга. Полицейский смотрелся чисто выбритым, но, приглядевшись, Денис обнаружил, что волосы на лице практически не растут. Три выющиеся волосины на подбородке заменяли бороду и должны были казаться признаком маскулинности.

– Сидели раньше? – спросил полицейский.

– Нет, – честно ответил Денис. – Кто вы такой? По какой причине я здесь нахожусь?

– Сержант Полуэктов, – представился сидящий за столом. – Бывший русский, а ныне подданный Его Величества короля Португалии. Служу в полиции благословенного Господом города Синиша.

Он торопливо осенил себя крестным знамением, уверенно махнув рукой слева направо, словно католическому обряду его обучили с детства.

– Благословенного Синиша... – вспомнил Денис кирпичные руины и кривоватый новострой.

– Да уж, не сраная Сызрань, – с неприязнью прошипел Полуэктов. – И не ваша бандитская Москва.

– Какая она бандитская? – в памяти мгновенно всплыли кишашие грабителями трущобы Лиссабона, где обчистить прохожего было видом народного промысла, а при малейшем сопротивлении в дело шёл нож. – Ничего Москва не бандитская.

– Рассказывайте, рассказывайте, – усмехнулся Полуэктов. – Преступники, грязь, сволочи, гнилой климат и бабы-шлюхи. Мне-то есть с чем сравнить, а вы привыкли и не замечаете. Носите наши обноски, ездите на наших старых машинах, живёте в помойке.

В Москве Денис был в прошлом году, ездил на выходные с девушкой. По широким чистым улицам ходили благостные, весёлые люди. По проспектам ездили, но чаще стояли в пробках новые дорогие автомобили, большей частью собранные на заводах под Санкт-Петербургом, хотя встречались немецкие. Великий, богатый, красивый город, ничуть не похожий на подвергающийся регулярным разрушениям Лиссабон с клеймом вечного стихийного бедствия и необратимо дичающим населением.

– Вы давно уехали? – спросил он.

– Неважно. Давно, – тряхнул головой Полуэктов, словно муху отгонял.

– Вы сами себя обманываете, – только и нашёл что сказать лаборант.

Он увидел перед собой не олицетворение могущества власти жандарма, а больного человека с исковерканной судьбой, который физически неспособен радоваться жизни. Оттого и бежал на край света, надеясь, что там ему станет хорошо. Но в другой стране оказалось значительно хуже, беднее и опаснее, надо было начинать всё с нуля, только теперь в условиях жёсткого прессинга незнания языка и обычаев. И вот он пристроился на низовую должность в государственную контору, затратив такое количество душевных и физических сил, что десятой доли их хватило бы для процветания на родине. Не обделённый умом, он это понимал, но отчаянно отказывался признать, чтобы не наложить на себя руки. Он искал и выдумывал

доводы, как на родине было гнусно, и почти сумел убедить себя, но не до конца. А теперь представился случай излить накопившуюся ненависть жителю страны, которую он бросил, и Полуэктов надеялся, что, объяснив задержанному, как плохо жить в России, он изменит окружающую реальность, и жить здесь станет значительно лучше, если там окажется по-настоящему мразотно. Это было патологическое, далеко зашедшее раздвоение сознания.

– Отыскивать всё самое мерзкое там и противопоставить всё самое лучшее здесь, – сам собой выговорил язык Муромцева.

Торжествующая усмешечка Полуэктова замерла на губах и превратилась в оскал. Взгляд застыл, словно эмигрант проникал в мысли бывшего земляка. Он кивнул. И вдруг встрепенулся.

– Хватит, Муромцев, – оборвал сам себя Полуэктов. – Довольно.

Он откинул папку, придавленную съехавшей на неё пачкой служебных бумаг, схватил серовато-бурый предмет величиной с полкулака, похожий на разрезанную вдоль грушу с фасеточной поверхностью. Груша узким концом лежала в направлении Дениса. Распахнул дверцу несгораемого шкафа, запихал предмет как можно глубже, привалил бумагами, закрыл.

Лаборант не сразу сообразил, хотя определил на лету, что видит срезанный зоарий каплевидной мшанки. На страницах учебника и на мониторе её изображения выглядели иначе, чем отделённый от ножки и высушенный экземпляр, мелькнувший в руке Полуэктова. *Xenofungella guttata*, или в простонародье «морской сморчок», был редко встречающимся в музеях обитателем опасного района восточнее Островов Зелёного Мыса. Лов там затруднён активностью пришельцев, рядом находился берег Западной Африки, покрытый туманом и заселённый амфибиями. Искатели морских сокровищ в тех местах часто пропадали. Муромцев узнал её, потому что перед отъездом перелистал кучу литературы, описывающей район работы биологической экспедиции, а самое примечательное отложилось в памяти. *X-f. guttata* была выдающимся видом рода инопланетных фунгелл – донным беспозвоночным животным, ведущим сидячий образ жизни, только значительно крупнее земных мшанок и не совсем понятным образом влияющим на способности человека к тонкому постижению чувств находящихся поблизости людей, вплоть до создания иллюзии понимания мыслей.

Телепатия была визитной карточкой пришельцев, отличительной особенностью, не свойственной земным организмам. Все три разумных вида инопланетян, принадлежащих к разным биологическим классам, общались между собой телепатически и могли понимать на близком расстоянии намерения людей. Не читать мысли, не оперировать вербальными и зрительными образами, но улавливать, что человек наметил в следующее мгновение сделать. И самим влиять на его поступки, заставляя действовать в своих интересах. Удавалось это далеко не всем пришельцам. Способность к внушению была крайне вариабельна и проходили эти фокусы далеко не со всеми людьми. Врождённая восприимчивость субъекта или упорство, сила воли, состояние здоровья, влияние стресса или отсутствие такового могли позволить инопланетянам легко манипулировать человеком, либо делали его полностью неподконтрольным. Кому как повезёт. Да и телепаты различались в зависимости от возраста, навыка, здоровья и напуганности, не говоря уж о биологических классах. Самыми частыми гостями в мозгах были амфибии. Они могли выбираться на сушу, где возможность контакта с человеком существенно возрастала. Самыми неспособными были наутилусы – внешне похожие на земных головоногих моллюсков насекомые со спиральной раковиной диаметром до двух метров, разумные и хищные, с венчиком манипулятивных гибких ножек и клювом, как у кальмара. Однако наиболее опасным был третий класс разумных пришельцев – плавающий бактериальный мат, пронизанный густой нейронной сетью из специализированных симбиотических организмов. Маты были редки, обитали на больших глубинах и представляли угрозу только при всплытии прямо по курсу, что случалось нечасто, а когда случалось, обычно не оставалось тех, кто мог об этом рассказать.

Разумные пришельцы обладали телепатическими способностями, лишь пока были живы. *Xenofungella guttata* могла влиять на человека даже будучи срезанной с ножки и высушенной. Механизм воздействия пока не был полностью выяснен, но имел в основе химическую природу. Морской сморчок являлся колонией гетерозооидов, отдельных многоклеточных существ, живущих в симбиозе и выполняющих каждый свои специфические функции. Отдельные зооиды отвечали за крепление к камню, другие, формирующие «грушу» фунгеллы, служили защитой и вырабатывали сложные химические соединения. Белковый состав был не до конца выяснен в связи с труднодоступностью образцов, зато на бытовом уровне *Xenofungella guttata* использовалась, чтобы заставить говорить правду и понимать намерения собеседника. Неудивительно, что она оказалась на столе полицейского участка, собирающего дань с дайверов и контрабандистов. Только её действие было обоюдным. Собеседники узнавали друг о друге в меру предрасположенности к эмпатии и раскрывались тоже сугубо индивидуально.

Таким образом Муромцев всё понял про эмигранта, а что уловил в нём Полуэктов, знал только он сам.

– Вот и поговорили, – молвил Денис, приходя в себя.

– Мы ещё не начали, – мстительно прошипел Полуэктов и вскочил со стула.

Дверь открылась. В кабинет по-хозяйски вошёл среднего роста изящный португалец с большими пышными усами. Чистая и отглаженная полицейская форма на нём была подогнана по фигуре и практически незаметно отличалась по цвету, из чего сразу складывалось впечатление, что она не выдана со склада, а пошита на заказ. По ухоженному лицу вошедшего трудно было определить возраст. Ему могло быть как тридцать с небольшим, так и все пятьдесят. Полуэктов приветствовал старшего по званию стоя, держа руки по швам, и слегка расслабился, когда офицер соизволил перекинуться с ним несколькими словами. Бочком-бочком освободил место для начальника, который непринуждённо уселся за стол и сложил перед собой в замок руки, а сам примостился возле несгораемого шкафа, освободив стул от пачки бумаг.

– Задержанный, с вами будет говорить капитан Антонио Мартин Жушту Сантьягу Алмейда, – бесстрастным голосом проинформировал эмигрант.

– Кто все эти люди? – удивился Денис.

– Не паясничайте, Муромцев, – с раздражением скривился Полуэктов. – Если я скажу господину капитану, что вы над ним издеваетесь, он упрячет вас под замок на семьдесят два часа, а потом отправит на родину. Вы ведь любите родину, Денис?

– Люблю, – честно признался лаборант, глядя в исполненные ненависти глаза переводчика.

«Депортировать меня оснований нет, – прикинул варианты Денис. – Помуржить можете, гады. Трое суток, говоришь? Арина столько не прождёт. Уйдут в море без меня. Каждый день фрахта стоит денег, а их в обрез. Экспедицию не захочет срывать, но один Казаков программу не выполнит. Да и я окажусь дураком, если останусь на берегу. Что вам от меня нужно? Ладно, не буду паясничать. Надо выйти, а там хоть трава не расти. Над морем связи нет».

Капитан Алмейда придвинул к себе чистый лист бумаги, взял из стаканчика шариковую ручку, перекинулся парой фраз с переводчиком.

– Господин капитан желает знать, где вы были вчера во второй половине дня, – строгим голосом сказал Полуэктов.

– Гулял по Лиссабону, – как можно безразличнее ответил Денис.

– А точнее?

– Осматривал достопримечательности. Площадь какую-то, дворец, архитектуру всякую.

– Что вы делали потом?

«Он что-то знает? – встревожился лаборант, но виду не подал. – Что-то подозревает и строит допрос на догадках?»

– Вернулся в гостиницу.

– Чем вы занимались вечером?

– Вечер я провёл в номере. За день устал.

Переводчик переводил. Капитан делал пометки, негромко задавал вопросы, посматривал на реакцию Муромцева.

– Куда вы пошли ночью? – выпалил Полуэктов, и глаза у него загорелись от предвкушения победы, как у азартного рыбака.

«Ничего они не знают, ни о чём не догадываются», – понял Муромцев и успокоился.

– Ночью я спал, – пожал он плечами. – Говорю же, устал за день, поэтому спал как убитый. У меня есть двое свидетелей, мы снимали один номер.

Тот факт, что в кармане у него была наваха, кое-как отмытая под краном, на которой эксперт без труда найдёт следы человеческого гемоглобина, а в сумке с бельём грязные джинсы в крови, не давал покоя Денису. Лаборант прекрасно понимал, какая каша может завариться, стоит капитану потребовать предъявить к осмотру содержимое карманов. Наваха-убийца висела над Муромцевым словно дамоклов меч.

– С какой целью прибыли в Синиш?

– Нанять судно для отплытия к банке Мадейра и Канарским островам. У нас научная экспедиция, всё оформлено как надо. Мы сотрудники института биологии моря. Документы в порядке. Этот вопрос надо обсуждать с моим начальством, а я простой лаборант, ничего в бюрократии не смыслю.

Алмейда внимательно выслушал. Помолчал. Затем разразился речью, разглядывая Дениса. Полуэктов с расстановкой по частям переводил.

– Основной проблемой нашего региона является морское браконьерство. Из-за агрессии пришельцев мы перестали контролировать судоходство. Процветает пиратство и контрабанда. Отчаянные ловцы забираются далеко в неизученные районы и привозят оттуда диких животных. Для преступников это хорошо, для простых людей опасно. Ваша экспедиция хоть и имеет разрешение на добычу образцов внеземной фауны, по сути, ничем не отличается от нелегальных добытчиков лута. Лично я против, чтобы вы привезли в мой город гадость,

которая отравит всё побережье. В Синише и без того удручающая смертность. Наркотрафик, марокканцы, бразильерос и прочий сброд, не считая наших дайверов. Иностранные туристы арендуют суда и не возвращаются. А иногда они привозят такое, что последствия подолгу отзываются на берегу. Я не хочу чрезвычайных происшествий, поэтому мне будет проще в море вас не выпускать. «Морская лисица» уйдёт, а вы останетесь искать другое судно, но едва ли найдёте. Я приложу все усилия, чтобы вы не нашли. Может быть, кто-то из шкиперов согласится, чтобы досадить мне, а может быть, и нет. В любом случае вы потеряете время, поселитесь в гостинице и будете смотреть в окно, как каждый день уходят корабли. Я не оставлю вам шансов. Надеюсь, понятно?

Полуэктов договорил и умолк, сдержанно ухмыляясь.

– Что вы от меня хотите? – спросил Денис, помолчав. – Я такие вопросы не решаю. Разговаривайте с начальником партии.

– Я хочу поговорить с вами о сотрудничестве. Моё дело не допускать угрозы населению от ядовитого лута, который бразильерос всеми силами стараются притащить. Вы учёные, поэтому будете искать редкие морские организмы. Вы их найдёте. Вы сумеете их сохранить. Вы захотите доставить их в мой город, надеясь увезти к себе. Здесь кроется главная опасность. Вас могут ограбить бандиты и растащить инопланетную заразу по берегу, либо вы сами разнесёте её. Последствия от чужеродной флоры и фауны, повторяю, непредсказуемы. Полагаю, вы достаточно разбираетесь в биологии, чтобы определить незнакомый вам вид, от которого неизвестно чего ждать. Я не тешу себя иллюзией, что наша таможенная служба сумеет распознать потенциально опасные виды самостоятельно. Придётся весь улов отправить на экспертизу. Она займёт три-четыре месяца, за это время что-то неизбежно испортится... Или сгниёт всё. У нас бывают перебои с электричеством. Вы же понимаете.

– Эти вопросы решает начальник партии, – упрямо повторил Денис, глядя в пол.

– Давайте так. Если вы найдёте что-то необычное и захотите скрыть, расскажите об этом капитану. Тогда сразу по прибытии в Синиш мы сможем изъять вредоносный экземпляр и уничтожить его в соответствии с предписаниями Министерства здравоохранения, а вы с грузом уедете домой.

«Параноик какой-то, – Денис рассматривал капитана Алмейду, но ничего болезненного в его внешности не заметил. Полицейский держался с достоинством и аристократической простотой. Он не казался заморенным служакой, но и не выглядел отупевшим от власти держимордой. Человек прилежно выполнял свою работу, был на своём месте и сознавал, что занимает его по праву, возможно, даже наследному. В стране с самым долгим периодом диктатуры во всей Европе и возрождённой монархией это было в порядке вещей. – Или он прав и за его словами действительно что-то есть?»

– То есть вы хотите, чтобы я доносил? – спросил он, глядя в лицо Полуэктову, у которого надеялся отыскать больше понимания.

– У вас нет выбора, – вежливо возразил капитан, а Полуэктов перевёл с изрядным злорадством. – Либо вы соглашаетесь и подписываете документ о сотрудничестве, либо вам придётся сидеть на берегу до второго пришествия. Периодически вас будут выселять из гостиницы и придётся переезжать в другую. Это тоже я смогу устроить.

«А ведь он сумеет, – поверил Денис, заглянув в доброжелательные глаза капитана Алмейды. – Была не была! Подводить коллектив нельзя. Соглашусь, а в море разберёмся. Препрежу Арину, пошлю капитана подальше или действительно сойду на берег в Испании. Главное, вернуться на борт «.

– Делать нечего, – лаборант тяжело вздохнул и покосился на Полуэктова. – Надо так надо.

Муромцев настрочил заявление, которое продиктовал ему Полуэктов. Подписался на каком-то бланке, распечатанном на принтере Алмейдой. Капитан вручил ему загранпаспорт, но на прощание руки не подал.

– Я знал, что ты согласишься, – заявил Полуэктов, когда открывал перед Денисом дверь. – Вы там все привыкли стучать друг на друга, – и закончил, гордый своей догадливостью: – Потому что живёте в стране уголовников!

Глава 5

Прогретая солнцем палуба качалась под ногами. «Морская лисица» шла под парусом, делая семь узлов. Кака стоял у штурвала, глядел на репитер гирокомпаса, придерживаясь курса на границе полного и крутого бакштага. Матрос Миксер стоял у лебёдки, флегматично помаргивая красноватыми глазками, готовый по команде рулевого выполнить поворот. Стаксель, вынесенный на правый борт, наполнился ветром. «Морская лисица» зарылась в волну. Муромцева обдало брызгами.

Придерживаясь за леер, Денис пробежал по мокрым доскам, спрыгнул в кокпит, где научные сотрудники раскладывали только что промытую планктонную сеть. Последняя представляла собой латунный обруч диаметром тридцать сантиметров, на который был натянут длинный конусный мешок из капроновой сетки со стальным стаканчиком на конце. Сетка имела крупную ячею и предназначалась для качественного анализа мезопланктона, чтобы получить представление, какая мелюзга плавает на пути следования. Для количественного анализа, лова мелкой сетью и подсчёта микроскопических организмов ни времени, ни людей у отряда не было.

– Запасайте вёдра, – пробормотал Казаков, укладывая в бухту страховочный шнур.

– И да поможет нам Дагон, – лаборант расставил на рундуке чистые контейнеры.

За время, проведённое на борту, он пристрастился в тихую погоду пользоваться форлюком. Пробежать по палубе оказалось быстрее и удобнее, чем протискиваться из форпика через вечно забитую кают-компанию, стараясь с кем-нибудь разминуться. Загруженная под завязку «Морская лисица» представляла собой резкий контраст с российскими научно-исследовательскими судами, где были стальные переборки, крашенные белой краской, безжизненный свет диодных ламп; если выберешься ночью в галюн, складывалось впечатление, что идёшь по кораблю-призраку под размеренный стук машины прямоком в бездну. Совсем не то оказалось на «Морской лисице». Теснота, скученность, обшарпанный пластик и дерево, скрип снастей, журчание бегущей вдоль борта воды, от которой отделяла ощутимо тонкая обшивка, храп команды и запахи с камбуза доставляли невероятно. Муромцеву они были по душе. В биологическом кружке Денис привык получать удовольствие от экспедиций ещё на этапе сборов в дорогу, и это путешествие в тропики приносило радости не меньше, чем в детстве.

Как только отчалили и яхта на моторе вышла за молы, напряжение дня и допроса в полицейском участке спало с плеч. Зато началась качка. «Морская лисица» была лёгкой, болтало её хорошо. Пришлось побегать к леерам и покормить рыбок, но с морской болезнью лаборант справился за сутки. А когда Денис проснулся следующим утром, он выбрался на палубу, увидел вокруг безбрежное синее море, поймал лицом ветер, вдохнул свежий солёный воздух, к нему пришло древнее спокойствие и какое-то безразличие к оставшимся на земле косякам и бедам. Стоявший у руля кучерявый мужик подмигнул ему и крикнул из рубки что-то дерзкое на непонятном языке. Из камбуза вышел Ганс и выплеснул помой в кильватерный след.

Лаборант Муромцев ощутил себя другим человеком. Он расхохотался и крикнул курчавому рулевому: «Привет!», а тот ответил: «Салют!». Ганс быстро обернулся, не ждал выкрика в спину. Коротко сказал: «Гутен морген» (при этом его лицо сделалось похоже на мордочку дрессированной крысы) и вернулся к стряпне.

Курчавого вахтенного звали Паскаль. Это был смуглый баск с глазами чёрными, как антрацит, от взгляда которых сразу мерещились кровь, бинты и плачущие вдовы, однако совсем не злой. За время, проведённое в море, Денис перезнакомился с экипажем, вслушался в их речь и научился кое-что разбирать. Сбежавшиеся со всей Европы моряки общались на

ломаном английском, хотя каждый знал его по-своему плохо. Лишь у Миксера он был родным, да кок Ганс и ведущий научный сотрудник Смольский владели языком на приличном уровне. Так или иначе, друг друга понимали. Это была слаженная команда босяков с сомнительным прошлым, которые хотели укрыться в Диких Водах. И воды эти были защитой и угрозой. Инопланетяне загнали человечество на сушу, океан сделался прибежищем изгоев, а изгоям везде приходится несладко.

Денис встречал в новостной ленте заметки о рейдах на дикие острова, расположенные вдали от берегов. Люди стягивались туда, бросив цивилизацию с её сомнительными благами в виде постоянного электричества, водоснабжения и образования. Они становились ловцами, дайверами, собирателями инопланетных даров моря и контрабандистами. Люди заводили на островах семьи, и уже не первое поколение выросло на устных преданиях и практической астрономии вместо истории, физики и начертательной геометрии. Ловцы изучали повадки инопланетян и умели уживаться с ними. Молодое поколение с раннего детства плескалось бок о бок с чужими и безнаказанно воровало с их подводных огородов. Самые неосторожные или невезучие оказывались съедены, но в среде ловцов это не считалось большой потерей. «Море забрало», – рассуждали они с присущим морякам фатализмом. Ряды быстро восполнялись, бабы рожали практически через год. Средства контрацепции на островах считались причудой богатеев наподобие компьютера – вещь забавная, но не слишком нужная. Убыль детей компенсировалось качеством. Оставшиеся росли смекалистыми, предусмотрительными и удачливыми. Они были дерзкими и сильными. Сами того не ведая, пришельцы выпестовали опасную породу постцивилизационных дикарей.

Добыча и перепродажа трофеев при отсутствии сил централизованного сдерживания неизбежно соседствовали с беспределом. Вольница породила пиратство. Дайверы нападали друг на друга, сообща грабили караваны, везущие ценный товар к европейским берегам, покупались на торговые суда цивилизованных стран. Иногда акты разбоя заканчивались крупным скандалом. Тогда военно-воздушные силы ООН бомбили островные крепости, топили всё находящееся на рейде и высаживали с цепелинов десант. Кого-то обязательно спасали и показывали в новостях. Освобождённые заложники рассказывали об ужасах пиратского плена, пугая обывателя, но не всегда истории о поселениях с блэкджеком и шлюхами достигали нужной цели. В романтичные головы западала мысль о нескучной жизни, где не нужно выплачивать ипотечный кредит, унижаться перед чиновниками, а можно греться на солнышке и купаться в лазурных водах. Люди собирали пожитки и ехали в портовые города, чтобы влиться в ряды новых дикарей. Обычно им удавалось достичь вожделенных островов. Спустя много лет они могли появиться на экране с покаяниями, но чаще пропадали без вести, обретя свободу от системы государственной эксплуатации, а вместе с ней от заботы врачей и защиты полиции.

Их эскапизма Муромцев не понимал и не верил в его существование. Новостные заметки и ролики в сети были для него развлечением, в котором не находил ни грамма правды, вернее, не верил, что такое бывает на самом деле. Только в командировке, непосредственно столкнувшись с атлантическими обычаями, он осознал, что в мире течёт какая-то другая жизнь. Тяга к странствиям и приключениям оказалась заложена в приморских народах, в отличие от привычных к оседлости хлеборобов. На ум Денису приходило не слишком политически корректное сравнение нектона, активно плавающих животных, с сидячим бентосом – прикреплёнными ко дну организмами, и сравнение было не в пользу послушных закону обывателей. Разнообразие окружающей среды ускоряло эволюцию. Там, где условия менялись быстрее, население быстрее развивалось, приспосабливаясь к новым условиям, чтобы не погибнуть. Поговорка о людях, которые делятся на две нации – у одной есть лодка, а у другой лодки нет – обрела для лаборанта весомость проверенной опытом догмы. Мореплаватели рисковали и дошли с неистовой силой, жизнь индивида разменивалась ни за грош, однако выглядели они шустрее и разнообразнее землепашцев.

Российских учёных с нацией мореходов роднила полевая работа. В поле ни приготовления, ни научная интуиция, ни качество оборудования не значили столько, сколько удача. Даже усердие не могло сравниться с везением. Усердие вознаграждалось через долгий упорный труд, повышающий вероятность выловить интересный экземпляр, однако всё могло пойти насмарку, если не пофартит.

– Стоп! – крикнул Казаков рулевому.

Кака привёл к ветру. Вырывающаяся из-под килля вода перестала пениться. Миксер начал вращать со скрипом рукоять лебёдки, выбирая грота-шкот. При помощи Паскаля убрал грот и стаксель. Некоторое время «Морская лисица» шла по инерции, учёные смотрели за корму, дожидаясь признаков остановки. Наконец кильватерный след исчез, яхту сносило ветром, она дрейфовала, плавно поднимаясь на длинной волне.

– Забрасывайте, – разрешил Казаков.

– Ловись, рыбка, большая и маленькая, – прошептал Денис, беря в руки сетку.

Лаборант спустился по кормовому трапу и опустил в море орудие лова. Стальной стаканчик работал как грузило, увлекая сетку ко дну. Казаков потравливал фал, глядя на счётчик ручной лебёдки. Латунный барабан вращался, цифры в окошке прыгали, указывая метры глубины, пощёлкивали шестерни механизма. Смольский разматывал замыкающий линь, следя, чтобы он не запутался. Муромцев присел на корточки, одной рукой придерживаясь за поручень, другой сопровождая фал. Операция была рутинная. Биологи делали станции каждые двадцать миль. Брели пробы и шли дальше, разбирая выловленный материал, фиксируя и занося результат в журналы. Качественный анализ был попутной научной работой и выполнялся больше для отчётности, поскольку был включён в план экспедиционных работ. Всерьёз к нему относилась только Рощина, а мужчины воспринимали как развлечение вроде рыбалки, чтобы не скучать. Основная работа ждала их на отмелях.

– Готово, – Казаков поставил лебёдку на стопор, перекинул флажок на обратный ход и взялся за ручку.

Денис отпустил поручень и стал тянуть фал, поднимая сеть с тридцатиметровой глубины. Виктор Николаевич вращал барабан, следя, чтобы верёвка ложилась ровно. Смольский аккуратно выбирал страховочный трос.

– Там что-то есть, – доложил Денис, фал подрагивал и, чем ближе к поверхности, тем ошутимее. – Мы, похоже, выудили чего-то!

– Рыбка, – засмеялся Казаков. – Давайте, Денис, не ленитесь.

Муромцев вскочил и принялся торопливо выбирать мокрый конец, стараясь не дать глупой рыбе опомниться и выскочить из ловушки поверх обода. Когда из-под воды показался жёлтый круг, Муромцев понял, что добыча никуда не делась. Он выдернул сетку до половины и перехватил возле устья, где плотная надставка из парусины примыкала к входному кольцу. Что-то быстрое металось в подводной части, раскачивая металлический стакан, капроновая часть колыхалась.

– Ого! – воскликнул лаборант, видя, как *оно* бьётся о стенки. – Не порвал бы.

– Давайте сюда, Денис, – Казаков отложил лебёдку и принял обруч, а Муромцев вытянул из моря полутораметровый конус, в хвосте набитый водорослями. С него лилась вода, внутри что-то прыгало.

Лаборант быстро перелез с кормовой площадки в кокпит. К разбору улова подошла Арина. Планктонную сеть разложили на сланях. Муромцев с Казаковым принялись собирать ткань к ободу, подтягивая добычу. Весть о том, что учёные выудили нечто стоящее, облетела судно. В море развлечений немного, на кокпите собралась вся команда, за исключением рулевого. Даже Миксер пришёл поглазеть.

– Давай, юнга, заворачивай свой чулок, – буркнул по-португальски капитан да Силва, но, кроме Ганса, его никто не понял.

Кок подобострастно усмехнулся на сальную шуточку, как могла бы усмехнуться крыса, и вытянул шею, выглядывая из-за плеч. Посмотреть там было на что.

Поверх комка водорослей и прочей подводной дряни вроде икры, рачков и крошечных мальков извивалось странное существо. Его можно было накрыть ладонью, и она бы пришлась точно впору. С виду существо напоминало насекомое. Покрытое хитиновой кутикулой тело состояло из сильно отличающихся друг от друга сегментов, по-разному окрашенных. Тёмно-коричневая голова поблескивала двумя парами чёрных бусинок – глаза в центре были крупнее, боковые мельче. За головой шёл светлый шейный сегмент, из него росла пара ножек. Самая крупная часть, спина, была окрашена в болотно-зелёный цвет и по бокам имела треугольные плавники, буроватые возле тела и к полупрозрачным краям обретавшие снисходящую светло-коричневую окраску. От спинного сегмента шли ещё три, расцвеченные от пепельного к серно-жёлтому. Хвост заканчивался пятью вертикальными лопастями, не гребными, как у креветки, а, по-видимому, рулевыми. Через всю спинку существа шла дорожка из двух рядов чёрных пятен.

– Что это? – первым опомнился Муромцев.

– Сикараха какая-то, – бесхитростно отозвался Казаков, от которого лаборант ожидал услышать нечто более определённое. – Белкина бы сюда. Вы знаете, Михаил Анатольевич?

Смольский только покачал головой. Моряки тоже замялись. Никто не мог сказать, что за неведомое науке животное выловили учёные из морских глубин. Арина принесла планшет и объектив для макросъёмки. Клацнул магнит фиксатора. Рощина выключила бесполезную в море опцию вай-фая, объектив определился планшетом, навела резкость, начала снимать.

– Сажайте в воду, пока не сдохла, – распорядилась Арина, сохраняя файл.

Муромцев зачерпнул прозрачной пластиковой коробкой из-за борта, а Смольский ловко схватил двумя пальцами существо возле крыльев.

– Осторожней, вдруг оно кусается! – встрепелась Рощина, но было поздно.

– Здесь не достанет, – хладнокровно ответил Смольский и опустил трофей в контейнер. Зачем-то понюхал пальцы. Брезгливо поморщился. Вытер ладонь о светлые летние брюки, ещё сохранявшие стрелку, мечтательно улыбнулся, посмотрел на начальницу, как на вошь, и выдал: – Основную опасность вашей жизни, Арина Дмитриевна, представляет избыток принимаемых вами мер предосторожности. Именно поэтому как настоящий учёный вы не состо-
ялись.

Рощина чуть не выронила планшет.

– Что, простите? – она отложила девайс на рундук кокпита, словно готовясь к драке.

Казаков медленно поднялся, Денис замер с открытым ртом, а Смольский назидательно продолжил:

– Настоящего учёного отличает бесстрашие. У него должна быть готовность отказаться от своих убеждений, если они доказательно опровергнуты. Вы же оказались не готовы, собирая материал для кандидатской, и подогнали доказательную базу под свою теорию о неспособности скрещивания земных организмов с ксенобионтами, хотя работы западных учёных подтверждали обратное.

– Это артефакты, созданные на основе дефектной методики, – жёстко сказала Рощина и выбила из пачки сигарету. – Их целью было показать принципиальную возможность переноса ксено-ДНК в геном земных организмов, но не вероятность этого в условиях дикой природы.

– Эксперименты по переносу генов чужих в геном репродуктивной клетки земного организма были поставлены Майером в США, Брауншвицем в Германии и... не помню кем ещё из норвежского Института морских исследований, положительный результат был получен на трёх видах, – перебил Смольский с широкой улыбкой идиота. – Вы постарались их опровергнуть под заботливым руководством Владимира Яковлевича. Надо же, у вас это блестяще получилось.

Рощина резко, по-мужски, чиркнула зажигалкой раз, другой, прикрываясь от ветра. Выдула сквозь стиснутые зубы голубой дымок.

– Большинство специалистов согласны с тем, что скрещивание невозможно, – попробовал вмешаться Казаков, но остановить Смольского не удалось. Трудно было понять, какие муравьи копошатся в его голове.

– Описательный характер вашей диссертации говорит о степени разработанности проблемы и достоверности методов исследования, – Смольский отвесил саркастический поклон. – А также о её актуальности. Ценю вашу поразительную взыскательность к себе, Арина Дмитриевна. Такой глубины научной мысли, как опровержение работ учёных мирового уровня, в стенах нашего института ещё никто не достигал. Надо ли скрывать, что вас ценят только за организаторские способности и умение находить компромиссы в тяжёлых условиях? Для сборщика образцов это чрезвычайно важно и, наверное, хорошо для завхоза. Плохо, что при этом вы позволили начальнику партии задавить в себе учёного, не оставив даже времени для обустройства личной жизни. Если сильная, умная и способная женщина хочет быть несчастной, она обязательно этого добьётся...

Муромцев вскочил как пружиной подброшенный. Стиснутый до боли кулак готов был взвиться от бедра к подбородку научного сотрудника, но палуба ушла из-под ног. Капитан да Силва приказал поставить грот. Ветер переменился, ударил в борт. Парус наполнился ветром. «Морская лисица» накренилась. Смольский бревном упал на слани.

* * *

Смольского перенесли в каюту. Он потерял сознание, но, к сожалению Дениса, не от удара головой. Научный сотрудник перекинулся, точно пьяный. Он бредил, прикрыв глаза и блаженно улыбаясь.

– Не похоже на солнечный удар, – заявил Казаков. – С чего бы ему сделалось плохо?

– По всему видно, что Михаилу Анатольевичу очень хорошо, – язвительно возразила Рощины.

У неё так побагровели щёки, что Денис бросал на Арину тревожные взгляды, не хватил бы солнечный удар, но причиной явно была не жара.

– Пульс нормальный, – она отпустила кисть, Смольский вяло подтянул руку к груди и неразборчиво забормотал.

– Эта тварь его точно не ужалила?

– Нечем было. Михаил Анатольевич её за спинку держал.

– За спинку... – задумчиво произнёс Казаков.

Муромцев схватил запястье Смольского. Вывернул наружу.

– Вот оно.

– Вы что, Денис?

– Оборонительный секрет! Видите покраснение? Здесь и здесь, где он прикасался. Животное испугалось и выделило защитный токсин. Когда Михаил Анатольевич схватил его за спинку, слизь попала на руку, и яд абсорбировался через кожу.

– Действительно, – согласился Казаков и уважительно посмотрел на лаборанта. – А быстро...

– Смойте с ладони яд, – распорядилась Арина. – Я сейчас принесу аптечку, но кордиамин давать, наверное, рано. Михаил Анатольевич среди нас единственный человек, который мог бы сказать, что надо принимать в таких случаях, – вздохнула Рощина. – Дадим пару таблеток кофеина. Хватит, как вы считаете, Виктор Николаевич? Добавим потом ещё, если понадобится, чтобы не заснул. Будем наблюдать и отпаивать тёплым чаем. Если повезёт, выведем токсин через почки. Впредь работаем только в резиновых перчатках. Мы зашли в опасные воды.

Тропические внеземные организмы непредсказуемы, полны сюрпризов, многие виды просто не описаны. Будьте внимательны, пожалуйста, если хотите вернуться домой живыми и здоровыми.

Предупреждение было излишним. После случившегося лаборант стал относиться к морским обитателям с опаской. Пострадавшую руку Смольского протёрли спиртом, он проглотил две таблетки кофеина и полчашки крепкого кофе. Денис приволок с камбуза большой чайник и поставил рядом с Казаковым, который вызвался дежурить первым. Рощина ушла в свою каюту и открыла на планшете атлас-определитель, но в нём не нашлось ничего, даже отдалённо похожего на существо.

Найдя в багаже коробку с резиновыми перчатками, Денис на глазах у Казакова демонстративно натянул пару и отправился в кокпит разбирать улов. Экипаж сгрудился возле рундука, на котором стоял контейнер, дивился и обсуждал происхождение вида. По мнению Ганса, икру завезли пришельцы с родной планеты, капитан да Силва высказался за версию зарождения в результате нечестивого скрещивания инопланетян с земными организмами, а Паскаль предположил, что оно заплывло издалека. Матрос Миксер только помаргивал глазками и чесал в затылке. Никому не приходили на ум цензурные слова для названия той неведомой твари, а существо тем временем махало плавниками как крыльями, злобно металось по прозрачной коробке и стучало о пластмассовые стенки твёрдой хитиновой головой.

В сеть с планктоном Муромцев полез как ребёнок в мешок Деда Мороза. Выкинул пучок водорослей в таз, туда же вытряс планктон из приёмного стаканчика, отвинтив стальное дно. Грызло искушение забросить планктонную сетку и половить ещё на рыбном месте, вдруг удастся найти такое же морское чудо, но «Морская лисица» уже шла под всеми парусами и рыбное место осталось далеко позади. Капитан да Силва пользовался попутным ветром, чтобы поскорее доставить пассажиров на отмели и самому половить с экипажем.

Команда деликатно разошлась по местам. Дениса и Казакова почтительно остерегались из-за их габаритов. Уважения добавилось, когда кок разнюхал и разнёс по всему судну, что они являются водолазами. Профессиональные водолазы, как быстро уяснял любой моряк, не стесняются решительных поступков. На берегу они скрашивают досуг в портовых кабаках, где любят накатить стакан и кому-нибудь по роже, в море вдумчиво готовятся к погружениям, что, по мнению матросов, выглядит как здоровый, крепкий сон. Однако русские водолазы вели себя, словно заправские учёные – ковырялись в тине и писали в тетрадках, будто у них имелось образование. Даже самый молодой, их слуга, выглядел как выпускник колледжа.

Ганс постучался в каюту, где лежал больной, спросил у старшего водолаза Виктора, не нужно ли чего, получил заверение, что всё в порядке, и отчалил на камбуз. Внезапно занедуживший Майкл не выглядел сильно хворым. Он улыбался и восторженно что-то бормотал, должно быть, бредил. Если это и было отравлением, то неопасным. Гансу не терпелось узнать, что же на самом деле произошло между пассажирами, почему вспыхнул спор, а потом Майкл внезапно потерял сознание. Жозе сказал, что его цапнула камарун Марино, «морская козявка». Так он обозвал на португальском то ли рыбу, то ли насекомое, определения которому никто не сумел подобрать. Ганс бросил в маленькую кастрюльку пару луковиц и морковку, взял овощной ножик, выбрался в кокпит. Младший водолаз Деннис копался в тазу с водорослями, как это делали все учёные, ходившие на «Морской лисице». Иногда он отрывался от своего занятия и помечал что-то в журнале, будто действительно понимал толк в мелюзге и знал каждую букашку по имени. Однако теперь Деннис был в резиновых перчатках. Ганс заподозрил неладное. Он присел на рундук и стал скрести морковь, сбрасывая очистки в кастрюльку. Казалось, для него не было ничего важнее, чем не обронить на слани ни кусочка шелухи.

– Как себя чувствует доктор Майкл?

– В порядке, – Муромцев взглянул на кока и вернулся к качественному анализу. Большинство планктеров он мог определить сам. Каких не знал, пересаживал в банку с морской водой, потом Арина дополнит.

– Его укусила эта... – кок постучал ножиком по контейнеру, в котором не находило себе места существо, – ...тварь?

– Не укусила. Выделила яд. Яд попал на кожу и подействовал. К счастью, он оказался несильным.

– Зачем нужен яд, если от него нет толку?

– Это может быть...

Муромцева осенило. Он выкопал из водорослей полупрозрачного малька, бросил в контейнер. Тварь заинтересовалась соседом, но малёк был шустрее. Он сразу забился в угол, стараясь держаться от хищника как можно дальше. Тварь не торопилась. Она слегка погрузилась, но преследовать не стала, просто развернулась к нему головой и принялась наблюдать. Постепенно движения малька замедлились. Он всплыл кверху брюхом.

– Вот и отгадка.

Тварь уже была тут как тут. Вцепилась жвалами в снулую рыбёшку, зафиксировала добычу передними лапками, словно руками, пустила в ход ротовой аппарат.

– С головы жрёт, – заметил Муромцев.

С головы.

– Боится, что вырвется, – прошептал лаборант.

В тазу он нашёл крупную личинку синей ленты, забившуюся в пучок водорослей подальше от цепких пальцев лаборанта. Безобидный инопланетный получервь-полурыба питался одноклеточными и сам служил кормом для всех, кто был хоть чуточку крупнее и зубастее. Муромцев запустил его в контейнер. Личинка повела себя глупее земного малька. Она не испугалась ядовитого хищника. Извиваясь всем телом, подплыла к поверхности рядом с ним и стала греться на солнышке, решив, что вернулась в безопасную среду. Тварь доедала добычу, около пасти её висело кровавое облачко и плавали кусочки потрохов. Синяя лента сменила пару раз место, переплывая на более тёплую воду, время шло, а никаких признаков паралича не наблюдалось.

– Яд не действует, – сказал Муромцев.

– Чужие не едят своих?

– Едят. Свои им – основная кормовая база, на них токсин должен действовать в первую очередь. Наверное, быстро разлагается в воде, чтобы всю мелочь вокруг себя не перетравить, – предположил Муромцев. – В ходе эволюции выжили и получили преимущество те хищники, которые не оставляли за собой мёртвую пустыню, а убивали ровно столько, сколько нужно для еды, не больше.

– Яд сильный, если подействовал на доктора Майкла, – заметил кок.

– Достаточно сильный, чтобы вызвать у человека бред и галлюцинации. У нас с пришельцами сильно отличающийся морфогенез, отсюда разная токсическая чувствительность. Яд камарун Марино убить человека не может, даже если получить большую дозу токсина, держа тварь в руке, но причинить неприятности – без проблем.

– Галлюцинации? – переспросил Ганс.

– Что-то вроде. Он сейчас лежит на койке и разговаривает сам с собой.

Кок вернулся к чистке овощей. Помолчал, не торопясь раздевая луковицы. Сказал, задумчиво глядя на линию горизонта:

– Каких только зверей ни привезли пришельцы... Рассказывают, что возле Кубы водится медуза, которая может утащить с борта крепкого матроса. У неё щупальца как у осьминога, с крючками на концах и ядовитые. Она жалит человека, парализует его, затаскивает под свой прозрачный купол и обволакивает желудком. Можно видеть, как он там переваривается. Она

меняет цвет подобно осьминогу. Когда медуза довольна, она фиолетовая, а когда злится или нападает, становится красной.

«Пиратские байки», – решил Денис.

– Дайверы говорят, что амфибии пользуются медузами как сторожевыми собаками, – произнёс кок многозначительным тоном. – Выпускают охранять огород и учат нападать на людей и акул, а своих не трогать.

– Вы видели амфибий? – спросил лаборант.

– Амфибии это одуреть как страшно, – Ганс посмотрел на молодого учёного и мерзко ухмыльнулся. – Там, куда мы идём, их много.

Глава 6

Ночью в каюте было темно, хоть глаз выколи. Отсыревшее постельное бельё источало приторный запах синтетической отдушки. Денис ворочался на верхней койке под плавную килевую качку «Морской лисицы». Яхта размеренно поднималась и опускалась на атлантической волне, лаборант чувствовал себя как младенец в люльке, но сон не шёл. Внизу время от времени тяжело вздыхал Смольский. За день он устал от постельного режима, учёному было скучно, однако после случившегося избегал выходить на люди. После того, как из каюты с перекосенным лицом выскочил Казаков, на дежурство заступила Арина и, по-видимому, сумела найти общий язык с недужным коллегой. Перед отбоем её сменил Муромцев. Смольский к тому времени перестал бредить и по обыкновению сделался замкнут. Лаборант не пытался его разговорить, не хотел нарваться и потом об этом жалеть, но теперь мрак и скука сделали своё дело. Когда Смольский снова горестно вздохнул, Муромцев прервал вынужденное молчание:

– Как вы себя чувствуете, Михаил Анатольевич?

– Было хорошо, пока вы не начали меня пичкать всякой дрянью, – пожаловался Смольский. – Я словно летел по небу, подхваченный ветром. Воздушные потоки несли-несли, но совершенно не препятствовали оставаться на земле и с вами разговаривать.

«Знал бы, что за ерунду ты нёс», – скрипнул зубами Денис.

– Я понял, что значит быть на седьмом небе, – мечтательно продолжил Смольский. – Потом какой-то ураган закрутил меня и швырнул далеко в небеса, я увидел звёзды.

«Это ты вырубился и упал», – отметил Денис.

– При этом я оставался на яхте. Помню ваши лица, склонённые надо мной, вы решали, жить мне или умереть. Потом ураган забросил меня сюда. Вы стали поить меня кофе и кормить таблетками, чтобы снять симптомы эйфории, – засмеялся Смольский. – Симптомы вы не сняли, но удовольствие подпортили.

– Мы за вас беспокоились, – как можно нейтральнее ответил Муромцев.

– Знаю, вы ненавидите меня за эти минуты откровения. Виктор Николаевич взбесился, когда я ему рассказал о заслугах замдиректора по науке, в любимчиках которого он ходит. Но вам я хочу сказать...

– Вы наговорили Арине Дмитриевне кучу гадостей, – на Муромцева накатило холодное бешенство, ему захотелось ощутить в кулаке открытую наваху и ткнуть кого-нибудь в живот.

Например, Смольского.

Тот вдруг затих. То ли прислушивался, то ли соображал.

То ли врождённое чутьё не подвело, и он сделал из осторожности паузу.

– Вы должны понять, я был не в себе, – запустил пробный шар Смольский.

«Он чувствует меня и боится, – Муромцева словно окатило холодной волной. Спать окончательно расхотелось. – Токсин всё ещё действует!»

– Я знаю, о чём вы думаете, – сказал Смольский. – Догадываюсь. Когда ваши намерения сильны, они становятся распознаваемы.

– О чём же я думаю?

– Вы хотите ударить меня в живот.

Лаборант прирос спиной к койке.

– Теперь не хотите. И не надо.

– Давно это у вас... озарения?

– После того, как начал отходить от действия кофеина. Вы, Денис, не обижайтесь за Арину Дмитриевну. Правда никого не делала счастливым, а я не врал. Быть честным выгод-

нее. Я могу о чём-то умолчать, но распространять ложные сведения не буду. С Рощиной всё непросто, кандидатская у ней в самом деле спорная. Вы её читали?

Денис промолчал.

– Вот как, – смекнул ведущий научный сотрудник. – Вы у Рощиной три года, а темы диссертации своего руководителя не знаете? Вы нелюбопытны. Подчинённый должен знать всё о своём начальстве, если хочет продвинуться.

– А вы знаете, конечно? – лаборант не смог скрыть неприязнь.

– Я интересуюсь работами нашего института, – миролюбиво отозвался Смольский. – Темой её кандидатской были эколого-генетические основы охраны земных животных ксеногенных экосистем на примере Баренцева моря. Благородная тема. Половина институтов Норвегии этим занимается, а другая половина занимается Гренландским и Норвежскими морями. Тема актуальная, конкуренция велика, работай не хочу, но вы же знаете, что Арина Дмитриевна практически не ездит на международные конференции.

– Ей некогда. Она ездит в экспедиции, – заступился за Арину Муромцев.

– А почему это происходит? Почему вместо обработки полученных данных она срывается в поле при первом удобном случае? Вы не думали, что это глубоко личное, что мешает плодотворной научной деятельности? Подписываться под чужими выводами она категорически отказывается. В результате, ей докладывать нечего, – снисходительно пояснил Смольский. – За пять лет у неё опубликована ровно одна статья в соавторстве. Не дуйтесь, Денис. Арина Дмитриевна превосходный организатор. Она могла бы Атлантическую партию потянуть, но, чтобы с англичанами работать, нужны научные заслуги, а не административный талант. Поэтому её записали на самый рискованный участок, к нам. Здесь не место для женщин, однако руководство это не остановило. Ну, вы понимаете, за что её ценят.

– А вы сами смогли бы потянуть?

– Нет. Я не полевой работник, и мне совершенно здесь не нравится.

– Кок сказал, что на отмелях встречаются амфибии, – у Дениса зануло сердце. Тревоги и переживания, казалось, оставленные на берегу, вернулись с новой силой. Кроме амфибий могли встретиться акулы. Их водолаз опасался куда сильнее.

– Не бойтесь. Амфибии нас не тронут, если мы будем держаться от них подальше. Я уверен, Арина Дмитриевна примет все меры предосторожности. Она бывалый и осмотрительный человек. И я знаю, что вы тайно в неё влюблены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.